

5/283/5

КОМИТЕТ
ПО УВЕКОВЕЧЕНИЮ ПАМЯТИ Г. В. ПЛЕХАНОВА

ГРУППА
«ОСВОБОЖДЕНИЕ ТРУДА»

ИЗ АРХИВОВ Г. В. ПЛЕХАНОВА,
В. И. ЗАСУЛИЧ и Л. Г. ДЕЙЧА

СБОРНИК № 5

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

КОМИТЕТ
ПО УВЕКОВЕЧЕНИЮ ПАМЯТИ Г. В. ПЛЕХАНОВА

Г. П. Б
192

ГРУППА
«ОСВОБОЖДЕНИЕ
ТРУДА»

(ИЗ АРХИВОВ Г. В. ПЛЕХАНОВА,
В. И. ЗАСУЛИЧ И Л. Г. ДЕЙЧА)

Под редакцией
Л. Г. ДЕЙЧА

ПРИ БЛИЖАЙШЕМ УЧАСТИИ
Л. И. АКСЕЛЬРОД, Р. М. БОГРАД-ПЛЕХАНОВОЙ,
С. Я. ВОЛЬФСОНА, Э. М. ЗИНОВЬЕВОЙ-ДЕЙЧ
И И. Н. КУВИКОВА

СБОРНИК № 5

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА * 1926 * ЛЕНИНГРАД

ПИСЬМА К ЧЛЕНАМ ГРУППЫ «ОСВОБОЖДЕНИЕ ТРУДА».

(Из тюрем, Сибири, каторги) ¹⁾.

I.

СПБ. Д. П. З. 28/V 1884 г.

Милая, дорогая моя Саша! ²⁾

Только на-днях получил позволение ответить тебе (я называю тебя здесь своей «невестой», п[отому] ч[то], может, когда-ниб[удь] и будешь моей «законной» женой — чего не бывает?). Я представляю себе, до чего поразило и огорчило тебя все происшедшее со мною. В этом немало я сам виноват и вполне чувствую свою вину. Но дай расскажу тебе, как все произошло. После твоего отъезда, который, помнишь, был за три дня до решения суда, я жил уже мыслью о скором возвращении к тебе, строил всякие планы и пр. В день суда,

¹⁾ В предисловии к таким же письмам, помещенным в № 2 «Сборника», я сообщил, что многих из них не оказалось в архиве Г. В. Плеханова. Теперь, благодаря стараниям возвратившейся за границу Розалии Марковны, мне недавно были присланы еще некоторые письма из этой серии, сохранившиеся, как оказывается, в архиве П. Б. Аксельрода, но раньше мне не возвращенные.

²⁾ Так как жена Булыгина, с паспортом которого я был арестован во Фрейбурге, приезжала ко мне туда на свидание в качестве «моей жены», о чем я подробно сообщил в книге «16 лет в Сибири», и от ее же имени, но по содержанию принадлежавшее Вере Засулич, мне передали письмо, адресованное во фрейбургскую тюрьму, когда я уже сидел в Петропавловской крепости, то, получив дозволение ответить моей будто бы «невесте», я обращался как бы к ней, Булыгиной (в действительности являвшейся неизвестной Фелицией Шефтель), будучи уверен, что мои друзья поймут эту мою конспирацию, как оно и оказалось потом.

утром, меня зовут к прокурору, думаю: «это он хочет, раньше, чем я получу формальное уведомление о моем освобождении, устно сообщить мне об этом», — такую любезность предположил с его стороны. Но, увы! Он медленно прочитывал мне одну за другой несколько бумаг, в которых говорилось, что нет никакого Булыгина, что я — Дейч и т. д. (Между прочим, требуя моей выдачи, русское правительство рекомендует принять меры против возможности побега с моей стороны.) Ты представляешь себе, как это известие подействовало на меня! Думаю, совершенно неожиданный приговор к смертной казни не мог бы более поразить меня. Я тогда понял, что можно поседеть в несколько часов. Я старался, однако, не выдавать себя выражением лица, голосом. Каких это мне стоило усилий! Воображаю, как я тогда выглядел. Моим доказательствам неосновательности требования выдачи прокурор, видимо, не верил, хотя и делал вид, что я могу еще доказать, ч[то] я — не Дейч. Он до того испугался сообщенных сведений, что не решался оставаться со мной наедине без привратника, словно, если я — *wichtiger Nihilist*¹⁾, то непременно должен его с'есть или взорвать бомбой. Ах, до чего он трусливый²⁾ и противный старикашка. К дверям моей камеры приставили человека, о чем я не должен был подозревать; но я тотчас же почувствовал это и ловил то глаз его, то ухо в щелке. Почему-то особенно боялись они за печку, которая, заметь, отделялась густой решеткой. Но до чего они меня смешили потом по дороге этими опасениями и предосторожностями (впрочем, были очень вежливы и предупредительны). На следующий день приехал во Фрейбург киевский товарищ прокурора узнавать меня. Он утверждал, что видел меня в Киеве, я отрицал, — я, действ[ительно], не помню его. Не было уже сомнения, ч[то] меня выдадут, но я не признавался до русской границы, где меня встретили жандармы с веселыми, ликующими лицами и восклицаниями: «А вот вы, г. Дейч! Наконец-то! А похудели!». Там, на границе я более не стал отпираться. Возвращаюсь к Фрейбургу.

¹⁾ «Важный нигилист». *Ред.*

²⁾ Думаю, что они со следователем хитрили, уверяя, ч[то] освободят: тогда, вероятно, уже велись переговоры о выдаче меня.

Оправившись от первого впечатления, я стал приучать себя к мысли о разлуке с тобою, друзьями, о разбитых планах, надеждах и начал готовиться к отъезду. Тяжело б[ыло] как, отчасти, и теперь еще — представлять себе суд. Неприятное ощущение фигурировать по *этому* делу. Но просыпаюсь однажды с мыслью: «А не лучше ли, чем все предстоящее мне переживать, чем медленно, со всякими муками умирать, разом покончить?». И спокойно начал разбирать все pro и contra. Ты, конечно, занимала важнейшую роль в этих взвешиваниях. Я не мог остановиться пока ни на каком решении. Это б[ыло] в воскресенье. «Ну, да сегодня, думаю, все равно не придет еще ответ из Карлсруэ, — успею еще подумать». Вдруг зовут к прокурору, который прочитывает решение баденского правительства выдать меня, как уголовного преступника, и об'являет, что сегодня повезут меня. Укладываю свои вещи и вместе продолжаю решать прерванную мысль. «Откладывать, — думаю, — нечего, лучше это сделать здесь». Тут у меня б[ыла] целая масса соображений и, право, даже умные, практичные — как это ни странно!.. Лишь только спустил ноги, я тотчас же потерял сознание, — очень искусно устроил это... Проснулся как от продолжительного тяжелого сна, но первые несколько минут не мог говорить, двигать никаким членом; около меня суетятся, я тотчас же все припомнил. Мне жалко б[ыло], ч[то] не удалось и вместе как бы доволен б[ыл], — здесь, впрочем, примешивалось и суеверие некоторое. Ты просишь не повторять этого. Даю тебе обещание, как бы мне впредь ни б[ыло] тяжело. Я, впрочем, не могу ручаться, что всегда буду при полном здоровом уме, — ты ведь знаешь, я склонен к умственному расстройству; но, надеюсь, и последнее не случится, особенно если пойду на Кару, куда должны меня, как уголовного, послать. Ты уже знаешь, ч[то] меня выдали на том условии, ч[то] будут судить с присяжными. И действительно, следствие производится обыкновенным порядком, и содержусь я не в крепости, как это б[ыло] в первые 2 недели, а в ДПЗ, где ты сидела в 76—77 гг. Вообще, пока со мною обходятся хорошо. Наказание за покушение на Гориновича по закону предстоит мне сравнительно небольшое, но я не знаю, надеяться ли свидеться и быть еще с тобою? У меня, признаться, нет надежды, но чем

чорт не шутит! Во всяком случае, надо приучать себя к мысли о долгой разлуке. Умоляю тебя, береги себя, старайся развлекаться, замени меня в издательской деятельности. Надеюсь, дела вошли уже в колею, и издания у вас продолжают? Противное меня очень бы огорчило. Напиши мне, что у вас делается? Как ты и Вера устроились? Что она подельвует? Воображаю, как огорчены и расстроены вы обе! Это мне большее всего. Утешить мне вас невозможно, хотя, объективно говоря, мы не вправе сетовать: ведь хуже поплатились товарищи и на много лет раньше попались, — я все же пожил, хоть мне и теперь всего 28 лет. Но знаю, что эти утешения не в утешение. Суд будет, вероятно, скоро, так как следствие уже почти закончено. Не думаю, чтобы он вышел сколько-ниб[удь] интересным: я отношусь к нему с неприязнью, если можно так выразиться, не хочется мне думать о нем — тяжело.

Воображаю, как галдели иностранные газеты о моей выдаче. Напиши, что в них писалось. После суда вышло некоторые вещи (часы, кольцо), ты раздашь их на память и оставшиеся там, кроме книг, из них вышли мне: Фихте, Канта, Шопенгауера, *Gesch. der Philosophie Schwegler'a* и *Ueberweg'a* (она у Павла; также не даст ли он своей истории Греции Курциуса), *Gesch. des Judenthum*, социологию Спенсера, и пусть Вера и Жорж выберут побольше книжек изданий по 25 с., также франц.-русс. и нем.-русс. словари. Все это вышли по следующему адресу: *г-ну прокурору судебной палаты* (для такого-то) в СПб. и только. Пиши по этому же адресу; также вышли мне рублей 75 рус[скими] деньгами. Надеюсь еще тебе писать. А пока обнимаю и много целую, тоже Веру, Аню, Павла, Жоржа, Розу, Надю, Лизу и всех, всех друзей и приятелей, — я с большой нежностью вспоминаю их всех. Отвечай поскорее.

Твой Л. Дейч.

Посланные на память книги не получены. Пусть Вера припишет в твоём письме. Прошу тебя, Вера, напиши хоть несколько слов о себе.

II 1).

Томск 1885 г., 8 июня.

Вот уже почти неделя, как мы здесь. Весь путь проехали довольно благополучно: нигде не было никаких задержек, почти никаких неприятностей и недоразумений с начальствующими лицами. Я говорю «почти», так как в Тюмени пришлось иметь небольшое столкновение с властями по поводу способа отправки лиц, назначенных в Западную Сибирь. Вследствие нового распоряжения Глав. Тюр. Упр., мы все должны идти вместе с уголовными, т.-е. привилегированные — пешком, привилегированные — тут же рядом ехать на повозках с багажом. В отношении ходьбы это, конечно, никогда не применяется, так как нельзя ведь заставить человека ходить, раз бы он не захотел, и всегда все без различия едут. Но неудобства этого способа отправки все же велики: едут шагом и делают в день по одной станции, а через два дня в 3-й делают дневку; таким образом, пространство в каких-нибудь 300 верст плетутся несколько недель, вдыхая дорожную пыль, ночуя в вонючих, полных паразитами этажах. А между тем нет ничего легче, как сократить это излишне продолжительное пребывание в пути, раз бы ехали по 2—3 станции в день и без дневок; это излишнее стеснение не только не вызывается какой бы то ни было необходимостью, но, наоборот, такая медленная отправка обходится гораздо дороже, чем ускоренная. Вот почему, когда в Тюмени захотели отправить наших товарищей-западников таким медленным способом, — все выразили свое нежелание подчиниться такому распоряжению, приведши вышеуказанные мотивы. Дали знать тобольскому губернатору, который кстати через два дня был в Тюмени и официально, в присутствии нескольких лиц из администрации, заявил, что хотя существует инструкция, по которой должны отправляться медленным способом, но он, как губернатор, находит возможным отступить от нее, так как ускоренная отправка в экономическом отношении даже

¹⁾ Это письмо «цензором» было смазано полутора-хлористым железом, но, конечно, ничего, написанного химическими чернилами, в нем не оказалось.

выгоднее для правительства. Только после этого заявления мы — восточники — решились отправиться своим путем (на барже от Тюмени до Томска), надеясь, что оставшихся западников отправят в определенный для этапа день обещанным ускоренным способом. Пока мы восточн[ики] не имеем еще сведений, действительно ли власти сдержали свое обещание, если же нет, то в Тюмени могла разыгаться неприятная история, так как оставшиеся там обещали добровольно не идти в медленный путь. Но будем надеяться, что все сошло там благополучно. Нас — восточников — отправляется отсюда далее всего 14 человек. Но и это малое количество, вследствие столь же странной инструкции из Питера, хотели еще разделить на 2 группы, при чем одна шла бы за другой спустя неделю по тому же пути. Такое деление для нас невыгодно как в материальном отношении, так ввиду общности у нас багажа, денег и пр.; к тому же мы привыкли друг к другу, и всегда удобнее быть в большом количестве. Так как местный губернатор лично не решался уважить нашу просьбу не делить нас, то мы обращались телеграммой в Главн. Тюр. Упр., откуда пришло согласие на нашу просьбу. Вот почти все сколько-нибудь крупные препирательства с властями. Но сколько еще предстоит аналогичных, а б[ыть] м[ожет], и более крупных в дальнейшем пути! Не говорю уже о том, что нам придется быть в пути еще 4—5 месяцев и сталкиваться с целой массой всякого рода начальства, мы уже и теперь замечаем, что чем дальше на восток, тем чаще поводы к недоразумениям, тем менее интеллигентны и понятливы заведующие. Ну, да увидим. Здесь провели мы неделю, выходим 10-го и будем в Красноярске в конце июня. Обстановка здесь, сравнительно, очень хорошая как в физическом, так и в духовном отношении. Удалось познакомиться здесь со многими местными, среди которых есть старые знакомые. Сведения о Каре довольно утешительные: говорят, что введены некоторые облегчения, и вообще улучшилось положение там находящихся. Надеялся здесь получить от тебя письмо, но, к крайнему моему огорчению, его не оказалось. Пиши хоть в Красноярск, а через месяц — 1½ — в Иркутск. Ну, всего тебе хорошего. Кланяйся всем друзьям и знакомым. Целую тебя и сестру крепко, крепко. Пиши же. Твой брат Лев.

С Кары, как я уже сообщал в кн. «16 л. в Сибири», нам дозволялось в открытках, от имени коменданта, уведомлять родственников о здоровье и о получении писем или чего-нибудь другого, а также просить о присылке тех или других вещей. Из архива П. Б. Аксельрода мне, кроме печатаемых здесь закрытых писем, присланы еще следующие четыре открытки. Л. Д.

III.

Брат ваш получил ваше письмо, в котором сообщаете, что собираетесь выслать ему: Гегеля и Лор[енца] Штейна. Если еще не выслали, то он просит вместо них прислать ему Lippert'a «Kulturgesch. d. Mensch. in ihr. organ. Aufbau». Эта книга его очень интересует; о ней он читал очень лестные отзывы. Его смущает только то, что она дорого стоит, но, вероятно, не дороже 2 выше названн. книг. Он, кажется, уже писал, что его особенно интересуют первобытные учреждения, в связи со всеми близкими к этому областями. Поэтому он настоятельно просит выслать ему книги преимущественно по этим областям. Его отчасти радует, отчасти — нет, что вы видимо втянулись в изучение философии, но, кажется, вы только интересуетесь Гегелем, о новейшей вы вовсе не упоминаете. Он здоров. Кланяется всем. От Мани и Ани ¹⁾ писем нет.

Отдельного Корпуса Жандармов

Подполковник Масюков.

13 мая 1888 г.

IV.

Брат ваш получил две франц. книги Бентама и две немецкие — Лотца. Сборник ²⁾ ему не совсем понравился, благодаря полемике, статья — о рабоч. движ. в 60-х годах и т. д. — недурна, но бедна фактическим материалом; больше всего понравилась ему История Интер[национала]. Он просит прислать: 1) «Чего хотят геноссы [т.-е. социал-

¹⁾ Маня — сестра моя, Аня — Анна Кулешова-Турати. Л. Д.

²⁾ Т.-е. «Социал-Демократ», полученный конспиративным способом, а именно — заделанным в переплет упомянутых в тексте книг. Л. Д.

демократы]», 2) Введение в Гегел[евскую] филос[офию] права, 3) брошюру о деле Германа [Лопатина], 4) Манифест [коммун. партии], а также хоть отрывки наиболее интересные о бывшем 14 июня торжестве [т.-е. об Интер. Конгрессе в Париже]. При отправке необходимо высылать на адрес: Восточная Сибирь, Забайкальская Область, *Карийск*, такому-то. Из обещанных вами ему книг [Липперта и т. п.] он пока ни одной не получил и предполагает, что вы отправили их в одной посылке с другими, которые были задержаны в таможене, поэтому он просит впредь сомнительные в цензур[ном] отношении книги посылать отдельно и вообще аккуратнее заделывать брошюры, чем это было в последний раз, выставляя имя отправителя.

Отдельного Корпуса Жандармов

Подполковник *Масюков*.

2 сентября 1889 г.

V.

Брат ваш беспокоится, не получая долго писем. В последнем письме вы сообщали о поездке ваших родственников, с тех пор он не получал ни писем, ни книг. Ввиду измененного в России почтового тарифа, он просит вас, а также брата Павла, высылая книги, справляться на почте, не придется ли здесь, на месте, доплачивать за присланные книги, так как недавно пришлось здесь за такую посылку из-за границы (от Киперта) доплатить 9 руб., что крайне неприятно, тем более, что самые книги адресату не вручены, а деньги все же пришлось уплатить. Он просит вас, если можете, узнать от Павла, почему пришлось здесь заплатить за посылку такую большую сумму, и впредь стараться так присылать, чтоб не нужно было платить. Он здоров. Кланяется всем близким и просит писать почаще.

Отдельного Корпуса Жандармов

Подполковник *Масюков*.

15 октября 1889 г. Карийск.

VI.

[На адрес П. Аксельрода: H-rn Paul, Zürich.]

Брат ваш получил ваше письмо, в котором вы сообщаете о вашей жизни и поездке к родственникам Геноссам.

Он жалеет, что занятия помешали вам изложить подробнее о вашем кефирном заведении, а также о том, что вам пришлось видеть и слышать в эту поездку ¹⁾. Он просит вас еще раз подробнее сообщить об этом. Липперта «Kulturgesch.» он уже прочитал, и она ему понравилась. Поэтому можете не присылать этой книги, а храните ее у себя. Другие сочинения этого автора его очень интересуют, но он просит вас не тратиться на их приобретение, если у вас нет лишних денег. Он уже писал вам, что сюда пришли, но не выданы книги, присланные на адрес губернатора от Киперта, и за них пришлось заплатить девять руб. Не вы ли их выслали и что это за посылка? Не забудьте об этом сообщить и почему пришлось здесь за них так много заплатить? «Сев. Вест.» он не читает, — не дозволен. Он просит заботиться о сестре. После выезда ее из Швейцарии, он не получал еще сведений о ней и не знает, как она устроилась. Он здоров, кланяется вам, Наде и другим близким.

Отдельного Корпуса Жандармов

Подполковник *Масюков*.

1889 г., 11 ноября.

Следующие два письма были мною отправлены из Карийской тюрьмы конспиративным путем, через мою сестру Марью Григорьевну Афанасьеву, жившую в Уфе, для дальнейшей ею пересылки их за границу: они также сохранились в архиве Аксельрода и только недавно были мне пересланы вместе с остальными, здесь печатающимися. *Л. Д.*

VII.

[Карийск, в конце 1889 г.]

Дорогая моя сестра ²⁾. На-днях я получил твое августовское письмо (с 25 руб.) и очень ему обрадовался: не говоря уже о том, что из него я узнал о твоем житье-бытье, я убедился, что пока меня еще не все забыли. До этого письма, около полугода, я ни от кого решительно не получал никаких известий. Тревоги мои по поводу здоровья и жизни

¹⁾ Я имел здесь в виду пребывание Павла Борис. вместе с Георг. Валент. в Париже на международном конгрессе, а затем в Лондоне у Энгельса. *Л. Д.*

²⁾ Действительная сестра, Мария Афанасьева, бывш. Фесенко.

близких сменялись все это время предположениями, что чем дальше, тем, естественно, все реже будут вспоминать и писать мне. Правда, с трудом допускаю такую мысль относительно Марфуши ¹⁾, заграничной сестры: она все эти годы так аккуратно мне писала, что я уже привык к ее письмам, как к чему-то необходимому, без чего чувствую себя не по себе. Но вот с июня все нет и нет от нее известий. Ломаю все голову, чем бы это об'яснить, и одна тревожная мысль сменяется другой: не заболела ли она, жива ли? Но, в таком случае, другие близкие должны бы написать об этом. Просто теряюсь в догадках. Уж я посылаю несколько заказных писем, и все безуспешно. Если ты имеешь какие-нибудь от нее известия, то прошу тебя немедленно мне сообщить их или, еще лучше, переслать ее письмо. Пошли ей также это письмо. Ты жалуешься, дорогая, на массу занятий, мешающих тебе остаться свободной хоть на несколько часов. Я очень сочувствую тебе и думаю, что не красна твоя жизнь, хотя все же в ней, вероятно, есть приятные минуты, когда остаешься хоть ненадолго в своей семье. Ты, очевидно, уже прочно устроилась в Уфе, чему я очень рад. А то, судя по первым, неотрадным твоим письмам оттуда, я думал, что ты снова скоро снимешься с места. Лучше всего, если укрепишься на одном месте, тогда и ты и муж твой упрочите свое положение. Думаю, что с проведением железн. дороги ваше захолустье тоже несколько оживилось, явились новые лица, предприятия, интересы. Ты, конечно, слыхала, что поговаривают и о проведении жел. дор. у нас. Хотя относительно меня она очень мало касается, но я ей, как и Томскому университету, чрезвычайно рад. Все же и наши полуварварские места примут человеческий облик. Ты не пишешь, дорогая, много ли у тебя знакомых, приятелей, и, вообще, о внутреннем мире уфимской жизни. Теперь, с приездом свекрови, у тебя чаще будет свободный час, и я надеюсь, что впредь не будешь так скупа на письма. О своей жизни мне, право, и сказать почти нечего. Я уже писал тебе, что начальник у нас новый, добродушный, бесхарактерный старичок, решительно не задающийся целью сколько-нибудь стеснять нас; наоборот,

¹⁾ Т.-е. Вера Ивановна Засулич.

сам по себе, готов делать нам всякие послабления, конечно, не выходя из законных рамок. Я и брат просим Павла, Аню, Марфушу и Сергея высылать вообще книги, а в частности следующие: по истории (новейшей) Швейцарии и других отдельных европейских стран, по рабочему вопросу и беллетристике для компиляций и переводов на русский язык. Выслать лучше на имя Дмитра, пока он еще здесь. Через год он уедет, почему и хочет заблаговременно запастись подходящими переводами и компиляциями, которые он мог бы потом где-нибудь поместить. Книги, газеты и журналы («День», выходящий 5 раз в месяц), «Вестн. Финансов», «Всемирн. Иллюстр.», «Вестн. Евр.», «Юрид. Вест.», «Русс. Богат.», «Истор. Вест.» и «Русс. Вест.» получаем. Как видишь из приведенного списка, нам не позволяют лишь получать журналы и газеты радикального направления. Но мы и этим очень рады и ждем каждую почту (раз в неделю) с крайним нетерпением. Занятия, как я уже неоднократно тебе писал, идут здесь при совместной жизни очень туго, — трудно сосредоточиться, углубиться. Но все же некоторым удается серьезно заниматься; многие здесь изучили по два, по три языка и редкий — один. Общего, совместного обмена мыслями нет; но всякое малейшее новое известие моментально облетает, и по поводу его ведутся оживленные беседы между отдельными группами, кучками. Так, на-днях прочитали мы в «Русс. Вест.» о метаморфозе, совершившейся с Тихом[ировым], вызвавшей в нас недоумение, изумление и пр. Многие интересуются у нас внешней политикой, так наз. дипломатией. Запоминают малейшие подробности, имеющие какое-либо отношение к политике. Я же более интересуюсь внутренним бытом как нашего отечества, так и других стран, или, как здесь выражаются, «движением торговли и промышленности». К сожалению, источник, нами получаемый («Финансовый Вестник»), в этом отношении крайне недостаточен. Но все же и из него очевидно, как быстро развивается наше отчество, чему я очень рад, так как от всей души желаю ему всякого преуспевания. Материальные наши условия в последнее время не блестящи, но все же жить можно, и в физическом отношении никто особенно не страдает. Есть один — два чахоточных, несколько — с катаррами желудка, геморроями, но в общем все почти здоровы, так как, относительно,

гигиенические условия сносны. Гулять можем, сколько хотим; но так как надоело шляться по однообразным местам, то большею частью сидим дома, вернее, лежим с книгами в руках. Вот тебе и подробное описание нашей жизни; думаю, ничего нового ты из него не узнала. Одно повторю, хотя тоска подчас и сильно разбирает, но жить все же можно пока. Пиши же и ты подробнее о себе и звай, что от получения твоих писем и от других близких зависит многое в моем душевном состоянии; кроме того, и ответы мои могут быть тем полнее, чем чаще я буду получать. От Сони я уже более года не имею известия. Не знаю, получила ли ты «карточки брата» и виды, а также «Юрид. Вест.»? Если да, то устрой, как я тебе уже писал, т.-е. пошли по одной карточке Марфуше (а также «Юрид. Вест.»). Когда ты получишь это письмо, то верно наступит уже Новый Год. А поэтому заранее плюю тебе, мужу и всем близким наилучшие пожелания. С приближением каждого Нового Года, в особенности в нашем положении, ждешь чего-то лучшего, хорошего и каждый раз разочаровываешься; это же, конечно, будет и в наступающем году. Тем не менее, нет-нет и мелькнет надежда — авось что-нибудь отрадное принесет Новый Год. Сколько таких разочарований, сколько Новых Годов придется еще пережить, пока свижусь с кем-нибудь из вас, близких! И свижусь ли когда? Мало, очень мало надежды. Но дай-то бог, чтоб это случилось, и не тогда уже, когда одной ногой будем стоять в гробу. Пиши же, дорогая, о себе, об окружающих, а главное, пересылай письма Марфуши, если она тебе пишет. В письмах ко мне она прежде всего жаловалась, что ты ей не отвечаешь, и она не уверена, доходят ли до тебя ее письма. Прошу тебя, старайся, поскольку можешь, скорее отвечать ей, а также и мне. Сердечный привет твоему мужу, расцелуй твою дочку. Пиши же, пиши.

VIII.

Около года, дорогие, как я не писал вам обстоятельно, ограничиваясь лишь открытыми письмами. На этот раз, как и всегда, произошло это не по моей вине, а, главным образом, по вашей: я не имел вашего адреса, так как Маня мне

не писала более года, почему я и не знал, куда писать. В этом отношении ты, Маня, очевидно, несправима. Я думал, что тебя уже нет в живых, — ничем иным нельзя было мне объяснить твоего упорного молчания, несмотря на несколько открытых моих писем тебе. Но вдруг на-днях получаю от тебя письмо с 30 руб. Я подозреваю, что у тебя обидное для меня предположение, будто мне интересно только получать от тебя денежные письма, а раз тебе нечего послать мне, то и не считаешь нужным ничего писать о себе. Если и в будущем это мое подозрение будешь поддерживать, то, право, рассержусь и буду отсылать тебе деньги обратно. Пойми ты, что мне приятнее знать, что ты жива и где ты находишься, чем получать после продолжительных тревог деньги. Но довольно об этом. Я надеюсь, что впредь ты хоть открытыми письмами будешь уведомлять о себе несколько раз в год. Неужели это так трудно? Я уже писал тебе в откр. письме, что мне не скоро быть в команде, что штат их ограничен 15 человеками, а всегда имеется вдвое большее число кандидатов. — На-днях был у нас из Петербурга ревизор (генерал ¹⁾), которому мы заявляли о необходимости расширить штат. Он обещал похлопотать об этом. Но, навряд ли что выйдет из этого. В общем он остался нами доволен, но нашел, что материальное наше положение хуже, чем в других местах, даже, напр., хуже, чем в Шлиссельбурге, где, по его словам, очень сносно. Результатов особенных мы не ждем от этой ревизии, но кое-какие облегчения, вероятно, будут. Впечатление генерал своей простотой, прямоотой и правдивостью произвел на нас очень благоприятное. О моем житье-бытье рассказывать собственно нечего. Нового почти ничего с прошлого года. Вот разве, что начальник новый (подполковник ²⁾) значительно лучше своего предшественника; очень он добрый, мягкий человек, всячески готовый улучшать наше положение, не стеснять нас. Он позволил Дмитру развести небольшой огородик, цветник,

¹⁾ То был присланный из Деп. Пол. Русинов; подробно о нем см. в «16 лет в Сибири». Л. Д.

²⁾ Это — Масюков, при котором, как известно, произошли ужасные трагедии на Каре из-за увоза Е. Н. Ковальской. Подробности — в «16 лет в Сибири». Л. Д.

где мы в свободное время гуляем, лежим с книгами, что в нашем положении является большим удовольствием, почему и лето незаметно уходит. Да и вообще летом лучше, — время быстрее идет. Жаль очень, что оно у нас непродолжительное, а зима — суровая, холодная, так долго-долго тянется!.. Зато усерднее читается, сидя за большим столом с лампой и попивая чай. Летом больше пробавляешься журналами и газетой («День»). С большим интересом следим мы за европейской внешней политикой, за всякими военными приготовлениями и сборами, и теперь, со вступлением на германский престол молодого Вильгельма, думаем, возможны в Европе серьезные события. Как видите, дорогие, мы все же не так отрезаны от мира, как это, вероятно, вам представляется, хотя нас и отделяет от вас огромное пространство. Много, конечно, остается от нас скрытым, многое доходит значительно позже, но все же наиболее крупное рано или поздно узнаем. Книжки также получаем, и, как я уже писал, брат получил, наконец, французские романы и Родбертуса, которые где-то завалились. Я им очень обрадовался, хотя далеко не все мне было в них легко и понятно: не совсем правильный и ясный язык у автора ¹⁾. Теперь мы можем получать иностранные журналы, которые, надеюсь, вы постараетесь нам прислать. Я уже писал много раз, что получил еще в прошлом году «Neue Zeit» за 1885, 1886 и 3 №№ за 1887 гг. и что прошу тебя, Павел, высылать дальнейшие №№, а также другие издания Дица (из Штуттгарта). Мне, признаться, несколько неловко, что я постоянно все свои письма наполняю просьбами о высылке тех или других книг; но, думаю, вы понимаете мое положение и не ставите мне этого в упрек. Кроме «Neue Zeit», мне хотелось бы получить английский журнал «To Day» или другой какой в этом же роде. (Присылать можно на адрес нашего начальн[ика].) А также «Jahrbücher für Soc. etc.» (Рихтера), в которых, Павел, была когда-то твоя статья. До нас дошел слух, будто с Тигричем [Тихомиров] произошла метаморфоза, будто он отрещивается от своих прежних убеждений.

¹⁾ Тут намек на не вполне разобранные письма химией в этих полученных книгах.

Правда ли это? В чем, собственно, он сознает теперь, что ошибался? Известие это очень взбудоражило и огорчило его поклонников, которых у него было много. Брат ждет от тебя, Марффуша, новых романов. Спасибо тебе большое, что ты единственный человек, не забывающий меня и аккуратно пишущий. Письма твои, хотя и краткие, доставляют мне большое наслаждение. Я уже писал тебе, как обрадовало меня известие, что у тебя есть литературная работа. Думаю, что твой очерк 60-х годов¹⁾ должен выйти хорошо; я бы многое дал, чтоб прочитать его. Тему, которую, по твоим последним письмам, выбрал Жорж — о Глебе Успенском, мне чрезвычайно нравится. Но, припоминая, что, бывало, вы, Жорж, говорили о ней, думаю, что мы с вами не согласились бы во взгляде на Гл. Успен., если он у вас остался тем же, каким был при мне: по-вашему, неполнота, нецельность его типов обуславливается тем, что он их берет в отживающей среде, а по-моему — потому, что сам он Kleinbürger. Впрочем, об этом долго и много пришлось бы расписывать, захоти я изложить свой взгляд. Во всяком случае, я уверен, что эта работа ваша будет очень интересна и поучительна, как, впрочем, все, что вам случалось писать. Ужасно жаль, горько, досадно, что к вам привязалась болезнь, мешающая вам целиком отдаться научным занятиям. Не буду расписывать, как огорчило меня известие о вашей болезни: я и до сих пор не могу примириться с этой мыслью. Только что узнал, что старик «Freund Peter»²⁾ скончался. Не ожидал я, что так скоро. Что он подельвал в последнее время? Как жил, с кем был близок? Он, должно быть, так и не успел окончить своего большого сочинения? А кому предоставил он свою библиотеку? Жаль его, — все же был хороший старик. А жив ли еще Фридрих Карлович? Находитесь ли вы с ним в переписке? Когда он собирается издать III том и полное собр. соч. своего друга? Обо всем этом и т. п. напиши, Марфа. Ты уже получила о «Кус[тарной] Пром.», собр. статей из «Русс. М[ысли]», а также получишь «Юрид. Вест.».

¹⁾ Т.-е. Первого Интернационала.

²⁾ Я имел в виду П. Л. Лаврова, слух о смерти которого, очевидно, преждевременно дошел до нас.

По-моему, в нем хотя и редко, но попадаются дельные статьи и заметки; я слежу за ним аккуратно. Собиралось нас несколько человек выписать «Вестн. Финан., Пром. и Торг.», — это, кажется, единственный орган, из которого можно знакомиться с нашим экономич. бытом. Очень бы хотелось получать что-нибудь подобное же на иностранном яз., напр., издание Hasse und Heidmann'a, Стюарта, да знаю, что вам трудно доставать такие вещи. Ну, не взывайте, дорогие, что пишу бессодержательно, — какова жизнь, таковы и письма. Постарайся, Мар[фа], чрез Сашеньку приобрести постоянный адрес. Кланяйся ей от меня и благодари за присланное белье. Что-то ты, Павел, совсем замолк? Или писал, да не дошли письма? Надеюсь, что скоро установится более аккуратная переписка с вами, и когда от всех вас буду получать письма, то и у самого больше материала найдется для ответов. Всего, всего вам всем хорошего. Прощу тебя, Маня, стать, наконец, аккуратной в переписке, не то, право, рассержусь. Я рад, что родился у тебя сынок, но напрасно ты дала ему такое имя: оно не нравится мне. Ты вот снимись с детьми и пришли мне карточку. Письмо это пошли младшей сестре. Кланяюсь всем близким и родным. Всего, всего вам всем хорошего. Целую вас крепко, крепко.

IX.

Карийск, 22 ноября (4 декабря 1890 г.).

Дорогой мой брат Павел! Из моих писем к сестре Марфуше ты уже, конечно, знаешь, что меня почти неожиданно выпустили в вольную команду. Я описывал уже свою жизнь на воле, и мне не хочется здесь снова повторяться. Скажу только, что пока очень много времени уходит на всякого рода хозяйственные работы и заботы, о которых вам, живущим в культурной стране, трудно составить себе ясное представление. Впрочем, ты поймешь их, если вспомнишь начало 70-х годов и хождения «в народ». Аналогичного с последним много в настоящей жизни, с тою лишь разницей, что тогда мы были молоды, смотрели иначе на крестьянский труд, были одушевлены «идеями», теперь же исполняем всякого рода хозяйственные работы по нужде, по необходимости. Работы эти не особенно трудны, а не-

которые из нас находят в них даже своего рода поэзию; но меня они подчас угнетают тем, что из-за них не только нельзя заниматься чем-нибудь серьезным, но даже просто следить за журналами и газетами. Я также писал уже Марфуше, что стараюсь найти себе частный заработок, отчасти затем, чтобы так. обр. освободиться от хозяйственных забот, но, к сожалению, до сих пор ничего не приискал и в будущем не предвидится. Сидя в тюрьме, я мечтал, что, очутившись на воле, смогу надумать и создать для себя какое-нибудь практическое, финансовое предприятие. Я воображал, как ты, вероятно, помнишь, что во мне таятся еще неуспевшие найти себе применения практические способности. Но или я глубоко заблуждался относительно этих своих способностей, или местные и мои условия неблагоприятны, и я решительно не знаю, на чем остановиться, что придумать для себя. Жить изо дня в день почти на всем готовом, исполняя только физическую работу, которую, при ничтожных расходах, можно нанять за бесценок, мне кажется довольно тоскливо, особенно, когда вспомнишь, что мне уже 35 лет. Не знаю, дорогой брат, поймешь ли ты мое состояние. Я не привык жаловаться, да, собственно говоря, мне и не на что, но все же скажу, подчас бывает очень грустно, именно из-за отсутствия практического дела, из-за сознания, что «годы уходят, все лучшие годы». Но довольно о себе. Авось, со временем что-нибудь и надумаю, приищу себе сколько-нибудь производительное занятие. От тебя я давным-давно не имел письма. Последнее твое письмо было с деньгами для Якова в прошлом году. Не думаю, чтобы пропадали твои письма, скорее всего ты сам виноват. Теперь, когда с выходом в вольную команду, я могу переписываться такими, как это, закрытыми письмами, надеюсь, что начнешь аккуратнее и чаще, чем прежде, писать мне ¹⁾. Обо мне и говорить нечего, что я буду, насколько это возможно при наших условиях, отвечать тебе. Ты знаешь, что меня очень интересует все, касающееся тебя, твоей семьи, близких, геноссов [немец. соц.-демокр.], все, что происходит на белом свете выдающегося,

¹⁾ Это ожидание совсем не оправдалось. П. Б. и В. И. все реже и реже стали писать. Л. Д.

о чем наши журналы и газеты сообщают очень кратко, а то и вовсе умалчивают. Я не знаю, каковы твои магериальные условия, в каком состоянии твое кефирное предприятие, расплатился ли ты уже с долгами и пр.? Марфуша обо всем этом давно уже ничего мне не сообщает. Мне также хочется знать, как идут твои занятия (литературные), что читаешь и пишешь, какие статьи поместил ты в вышедших номерах сборника «Соц.-Демокр.»? Ты писал мне, что головные боли не позволяют тебе сколько-нибудь долго заниматься и что тебе необходимо лечиться. Я не знаю, в каком состоянии теперь твое здоровье. Вообще, мне хотелось бы, чтобы ты написал большое и обстоятельное письмо о себе и семье, чтобы я имел ясное представление о вашей жизни и о препровождении времени. В противоположность вам, живущим среди разнообразных впечатлениями условий, почему с годами, естественно, ослабевает интерес к находящимся в другой части света близким, — у нас, наоборот, с годами все более усиливается и укрепляется интерес к родным и старым знакомым, начинаешь чувствовать к ним все большую привязанность, так как сознаешь, что снова не сможешь уже приобрести себе друзей. Ты поймешь, поэтому, что мои просьбы, как можно подробнее сообщать о себе и близких, не пустые слова, а искреннее желание знать все, касающееся их. Сообщи, что поделявают Булыгины и другие знакомые. Кланяйся всем им и передай им от меня всякого рода пожелания. О геноссах я знаю, сравнительно, очень мало. В газетах упоминалось, что у них должен был произойти Parteitag [партийный съезд] в Галле, но что там решили, — не знаю. Отчасти также из газет, отчасти из писем Марфуши знаю о происходивших среди них раздорах из-за празднования 1-го Мая, отношения к реформам Вильгельма II и пр., при чем старики — Бебель, Либкнехт и др., повидимому, чересчур уже тянули в сторону «умеренности и аккуратности». Но ясного представления обо всем этом у меня, конечно, нет. Ты бы превосходно сделал, если бы высылал какой-нибудь еженедельный или ежемесячный немецкий журнал, из которого я мог бы почерпнуть сведения о ходе дел у геноссов. Высланные тобою в прошлом году №№ «Neue Zeit» и, кажется, Jahrbüch. für Soc[ial] Wis[senschaft] до сих

пор еще лежат в Областном Правлении в Чите, так как туда были адресованы, но я еще надеюсь их получить. Сочинение Липперта о религиях я получил. Ты сообщай всегда предварительно или одновременно, что именно высылаешь мне. Тотчас, по получении этого письма, вышли, для пробы, 2—3 №№ за настоящий год «Neue Zeit» по следующему адресу: г. помощнику начальника Акатуевской тюрьмы в Карийск, Забайкальской области, Вост. Сибирь, для такого-то. Ужасно буду рад, если смогу следить за каким-нибудь немецким журналом. Ты представить себе не можешь, какое удовольствие доставило мне и другим товарищам получение мною №№ «N. Z.» за 1885, 1886, 1887 гг. Многие статьи из них были нами переведены и читались и переписывались с удовольствием. Особенно нравились статьи Каутского. Они, действительно, довольно талантливы. Статьи эти вызывали у нас продолжительные дебаты и толки и явились целым событием. Теперь, с прекращением действия исключительных законов против геноссов, думаю, у них будет издаваться масса интересных журналов, книг, брошюр. Прошу тебя, высылай, насколько возможно часто, все, могущее меня интересовать.

...Был у меня перерыв, почему не мог окончить письма: я с товарищем ездил вчера за сеном для наших коней, которых у нас 4. Эта поездка — своего рода продолжительное путешествие, нелишенное приятных и вместе тревожных ощущений. Покос наш, который мы же сами и косим, расположен в расстоянии 15—18 верст от нашего местожительства. Поэтому, чтобы поспеть обернуться туда и обратно с сеном, нужно выехать задолго до рассвета. Вставши в 4 часа ночи, мы в 5½ уже запрягли коней и в трескучий сибирский мороз (35° R), при лунном свете, поехали. Большая часть пути лежит по тайге (лесу, расположенному по холмистой местности), по которой тянется узкая лесная дорожка. Немало для любителя во всей этой обстановке поэзии и, хотя я не особенный ценитель ее, все же временами не мог удержаться, чтоб не поделиться с товарищем приятными ощущениями. Лишь только солнце взошло, мы уже доехали до наших скирдов, развели тотчас костер и стали накладывать на возы сено. У нас, как мало опытных в этом деле, работа двигалась медленно; наложивши два

воза, уселись возле костра завтракать захваченной с собой бараниной, пропустивши предварительно немного живительной влаги из бутылки. Часам к 2 пополуд., наложивши и увязавши все 4 воза, двинулись домой. Обратный путь довольно неприятен, тяжел: лошади еле двигаются, на частых под'емах то и дело останавливаются, приходится постоянно их понукать и поспегивать. А там, смотришь, то тот, то другой воз свернулся на бок, приходится его поднимать, каждую минуту боишься, как бы чего не случилось, не свалился бы воз в яму, не рассыпалось бы сено. Ко всему этому присоединяется усталость от ходьбы по глубокому снегу в тяжелой напяленной на себя обуви, чтобы не прозябнуть утром, когда туда едешь. Домой мы вернулись без всяких приключений часов в 6 вечера, отчаянно уставшими. Ну, вот я описал тебе одну из наших работ. Можешь по ней отчасти составить себе представление о нашем образе жизни. Теперь я дней на 10 свободен от всяких работ и могу читать. Ну, будь здоров. Кланяюсь и целую Надю, твою Верочку и всех близких. Смотри же, брат, пиши теперь чаще.

Твой *Лев Дейч*.

Сегодня только, 24 ноября, Дмитро, наконец, собрался и ушел на поселение. Почти 8 месяцев он, по собственному желанию, прожил здесь сверх срока. В пути он будет очень долго, если пойдет до Якутки. Он просил меня кланяться тебе и др., что я и делаю. Если он будет тебе писать, то, конечно, ты будешь с ним в переписке.

Х.

Карийск, 10/22 февраля 1891 г.

Дорогой мой брат! Вот уж несколько недель, как получил твое обстоятельное письмо о геноссах и лишь сегодня собрался тебе ответить. Причиной тому не лень, забывчивость или небрежность, а многие независящие обстоятельства; главным же образом то, что незадолго до получения твоего письма я послал тебе довольно большое письмо, и мне не хотелось повторяться. Письмо твое доставило мне невыразимое наслаждение, и я узнал из него много нового

о немцах, об их распре, о Галльском конгрессе и пр. Нечего и говорить, как бы я хотел, чтобы ты и впредь делился со мною сведениями о западно-европейском рабочем движении. Но ты, к сожалению, очень скуп на письма, хотя и правда, что ты пишешь мне «редко, да метко». Все же лучше было бы, если бы ты писал почаще. Много раз уже я повторял тебе и Марффуше эту просьбу, «но только все не в прок». Письма ваши для меня — одна из важнейших моих потребностей, и если я долго их не получаю, то чувствую себя очень скверно. Ты знаешь, как я к вам привязан: годы разлуки не только не ослабили моей привязанности, но, наоборот, усилили ее. Мне хотелось бы знать всякие подробности о вашей жизни, а вы в большинстве писем только вскользь о ней упоминаете. Вот и в последнем письме ты ни словом не заикаешься о своих материальных условиях, о своей семье, о своих работах. Обо всем этом и многом другом я подробно расспрашивал тебя в предыдущем письме. О своей жизни мне нечего рассказывать: в предыдущих письмах к вам я подробно описывал ее, а нового ничего в ней за это время не произошло. Впрочем, теперь, с приближением весны, т.-е. собственно с ослаблением жестоких морозов, значительно легче исполнять всякие хозяйственные работы: возить дрова, пилить и колоть их, топить печку, приносить воду и пр. Как я уже много раз сообщал вам, эти заботы отнимают значительную часть времени и внимания. С нетерпением поэтому жду наступления весны, которая, к сожалению, начинается здесь очень поздно — в апреле, а то и в мае. Зато как хорошо чувствуешь себя с наступлением тепла! Особенно после того, как 6 слишком лет встречал весну в тюрьме. О систематических занятиях я, кажись, также писал тебе, что здесь и думать нечего. Еле-еле прочитываешь от почты до почты получаемые журналы и газеты. Вот уже две недели, как получились №№ «Frankf. Zeit.», — вероятно, ты их прислал? — но я до сих пор не все еще просмотрел. Присылай их и впредь, но не такими кучами сразу, а дней за 7. В них все же больше интересного, чем даже в «Русс. Вед.» — лучшей нашей газете. Жаль очень, что нельзя получать «Berl[iner] Volkszeit[ung]», — там, должно быть, много интересного. Постарайся достать и присылай хоть какой-нибудь из демократических научно-филос[офских]

журналов. О своих занятиях и литературных ваших предприятнях ни ты, ни Марфа ничего не пишете мне. Я не знаю, имеют ли они успех; приобретаете ли вы сторонников? Я также не знаю, как обставлено это дело с материальной стороны, — обеспечено ли оно регулярными доходами, или держится оно случайными, неопределенными средствами? Много писали наши газеты о всяких строгостях, начавшихся в Швейцарии по отношению к русским. Не знаю, как эти меры отразились на вашем положении. С уничтожением в Германии закона против геноссов, они все, вероятно, покинули Швейцарию, и в ней, должно быть, настала еще ббльшая тишина и скука, особенно в твоём Цюрихе. Ты, правда, повторяешь слова Ул[ьриха фон-] Гутена, что теперь «весело жить на свете». Но это навряд ли относится к Швейцарии. Твоего взгляда на недалекое будущее, что лет через 5 «наступят роды», — геноссы станут руководить внутренней, а следовательно, и внешней политикой, — я не разделяю, находя его несколько оптимистичным¹⁾. Хотя отсюда и трудно составить себе верное представление об истинном положении дел, но все же думаю, что я ближе к истине, предполагая, что пройдет еще несколько 5-летий, пока они станут руководящей силой. Я вовсе не отрицаю их огромного значения уже и теперь в стране, их несомненно колоссального успеха и пр. Но именно ввиду указанных тобою же причин (сельского населения, слабого развития ремесленных союзов и пр.), думаю, потребуется еще немало времени для завоевания первенствующего положения. Во всяком случае, ты, конечно, прав, говоря, что они ближе теперь к цели, чем геноссы других стран, и время действительно интересное. Сообщай же, брат, и впредь сведения об общем ходе и положении дел геноссов.

Вот такая у меня к тебе просьба: одному из моих товарищей — резчику по дереву по профессии — нужны рисунки, образчики резчичьей работы. Поэтому прошу тебя постараться прислать сборник рисунков всяких мелких вещей, как-то рамок, постаментов для часов, спичечниц,

¹⁾ Под «родами» я имел в виду полную победу социал-демократов в Германии, о чем, очевидно, мне писал П. Б. Аксельрод, повидимому, чересчур преувеличивший успехи немецких социалистов.

альбомных крышек, табакерок и для письменных принадлежностей; словом, производящихся в Швейцарии деревянных резчичьих украшений. Этого товарища ты должен помнить по Одессе — его зовут Моисеем Поповым (рыжий). Он просит передать тебе самый «задушевный поклон». — Ну, всего, всего тебе хорошего, дорогой брат. Нижайший мой привет всем близким и друзьям. Смотри же, пиши теперь почаще, тогда и я буду иметь более верное представление о твоей жизни и жизни товарищей. Будьте же здоровы и насколько возможно счастливы. Крепко тебя и других обнимаю.

Твой Лев Дейч.

P. S. Не приводи в своих письмах цитат на немецком или каком другом иностранном яз., так как лицо, просматривающее нашу корреспонденцию, не знает их.

P. P. S. Уже когда совсем окончил это письмо, я получил от Марфы сравнительно довольно большое письмо (в 2 листа), от 2 января, в котором она об'ясняет, почему мало пишет, — причиной ее болезнь. Тем же она об'ясняет и то, что ты мало и редко пишешь. Мне теперь досадно и жалко, зачем я приставал к тебе и к ней с требованиями часто писать, — я не знал, что причина у вас очень уважительная. Ну, простите.

Примечание. Не знаю, дошло ли данное письмо по назначению, в чем увериться, ввиду разделявшего меня обширного расстояния, можно было лишь спустя несколько месяцев, я нередко повторял об одном и том же в следующих письмах. Это случилось и с настоящим, но так как в нем имеется и кое-что новое, то привожу его.

ХІ.

Карийск, 17 (29) марта 1891 г.

Дорогой мой брат! С предпоследней почтой получил от тебя 15 руб. и открытое письмо. Напрасно ты выслал эти деньги: я в них теперь вовсе не нуждаюсь, а тебе, при твоей огромной семье, они наверно нужны. Ты упоминаешь о присылке мне двух писем в последние месяцы. Я же получил только одно, правда, огромных размеров, в котором ты сообщал о Галльском конгрессе и вообще о геноссах.

Значит, другое пропало где-нибудь. Книг и, в частности, номеров N[eue] Z[eit], о которых ты упоминаешь, также не получал пока. «Frankf. Zeit.» пока получил только три раза, ты же сообщаем, что высылал 4 раза. Газета эта мне нравится: в ней относительно попадаетея довольно сведений об интересующих вопросах из германской жизни. Но, конечно, несравненно лучше было бы, если бы можно было получать «V[olks] Z[eitung]» или что-нибудь в этом роде. Из нами получаемых русских газет («Русс. В.», «Нов. Вр.», «Заря») только первая дает иногда кое-какие сведения о европейских вопросах. Между прочим, в одном из последних ее №№ в корреспонденции из Германии сообщается о каком-то письме Маркса, помещенном в «N. Z.» и относящемся к середине 70-х годов, в каковом письме, будто, Маркс разносит программу геносов. По словам корреспондента, письмо это возбудило в Германии раздоры и разногласия в среде геносов, из которых одни негодуют, зачем Маркс был так несправедлив к этой партии; другие, наоборот, согласны с его критикой; буржуазные же газеты, будто бы, ликуют и печатают статьи под громкими заглавиями: «Соц.-дем[ократы], разбиваемые их пророком — Марксом!». Сообщи, брат, подробнее, в чем дело. Трудно понять, не зная всех обстоятельств, зачем Энгельс и Элеонора Маркс-Эвел[инг], являющиеся душеприказчиками Маркса, дали напечатать такое письмо, которое могло внести раздоры и споры? С другой стороны, зачем редакция «N[eue] Z[eit]», конечно, солидарная с программой геносов, напечат[ала] такое письмо? Словом, здесь что-то упущено, неверно сообщено корреспондентом. Лучше всего было бы, если бы ты привел в переводе это письмо. «Русс. Вед.» очень добросовестная и чисто плотная газета, и ее корреспондент из Германии ¹⁾, очевидно, человек сведущий, но и ему, повидимому, свойственно ошибаться. Я с удовольствием прочитал сравнительно довольно подробный отчет о конгрессе во Франк-фурте социал-политиков, — какие среди них разногласия, как окончательно дискредитируются они, до чего нагло-откровенны речи представителей буржуазии! Меня инте-

¹⁾ Этим корреспондентом, как известно, был Иоллос, впоследствии убитый черносотенцами.

ресует все, касающееся германской народной и общественной жизни. Но, к сожалению, при наших условиях трудно почерпнуть обстоятельные об этом сведения. В этом отношении могли бы отчасти пополнять наши источники твои и Марфюшины письма. Но ты пишешь крайне редко, хотя и обстоятельно; она, наоборот, хотя, сравнительно, часто, но необстоятельно. Я знаю, что вам и трудно иначе писать, все же это очень грустно: боюсь, что могу отстать от века, от заграничных интересов. Здешние условия крайне располагают к грубо-материальной жизни, к прозе. В этом отношении даже тюрьма более благоприятна: в ней, как давно известно, человек сохраняется, она располагает к идеализму, теоретизированиям, поддерживает философское отношение и интерес к обще-мировым вопросам. Материальные же интересы крайне мало занимают. Здесь, наоборот, человек невольно, глядя на окружающую его среду, втягивается постепенно в заботы о заработке, о более или менее удобной обстановке, и, смотришь, вскоре, кроме будничных вопросов, его мало что интересует. Положим, я отчасти застрахован от этого индифферентизма, как вследствие своего характера и прошлого, так и благодаря вам; все же, чем чорт не шутит?! Ты, конечно, не подумай, что я уже чувствую отсталость, одичание, — нисколько. Наоборот, как я уже сказал, я живо интересуюсь всем, происходящим в среде геноссов, на белом свете и вообще западно-европейской жизнью. Но от обще-теоретических занятий поневоле приходится здесь отказаться. В тюрьме я довольно сильно интересовался так наз. этнографией, первобытными учреждениями, культурой и т. п., сравнительно, довольно много прочитал из относящегося к этим областям. А вот с тех пор, как вышел в команду, не прочитал ни одной книги из этой категории и, вообще, кроме журналов и газет, почти ничего не успеваю прочитать. Это — в первое полугодие по выходе в команду. Что же в таком случае будет дальше?! — Но боюсь надоест тебе беседой о себе. Что же ты теперь подельываешь? Статью для № 4 «Сборн.» ты, вероятно, давно уже окончил, а так как, по словам Марфы, дальнейшего выпуска книжек не придвидится, то имеешь, вероятно, много времени, чтобы самому заниматься, следить за европейской жизнью и пр. Досадно крайне будет, если

вы не сможете продолжать издания. Неужели выпешшие №№ и возбужденный ими у читателей интерес, о чем упоминает Марфуша, не способствуют отысканию средств для продолжения издания? Чрезвычайно интересно было бы познакомиться с выпешшими №№. — Ты спрашиваешь, получил ли я что от Ани? Решительно ничего, несмотря на то, что по[сле] выхода в команду я ей написал. Кстати, спроси ее, получила ли она мое письмо, и сообщи мне. Сообщи также, где и что поделывают Соня, Августина и Титыч ¹⁾. Я потерял их с тех пор, как они вернулись домой. Непременно подробно изложи, в каком положении твое кефирное предприятие, а также, как поживает Надя, Верочка и кто еще из твоих родных живет с вами? — Ну, вот опять пришла почта, а ни «Frank. Zeit.», ни обещанных тобою книг нет. Уж не знаю, кто или что тому причиной. — Из старых твоих знакомых здесь со мною кажется только Яни ²⁾, с которым мы сравнительно хороши. Он вполне разделяет наши воззрения относительно геноссов и всего другого, но у него имеются все же и «мухи», как здесь выражаются, т.-е. своего рода заблуждения, пристрастия. Между прочим, мы иногда спорим с ним насчет Михайловского, которому, по-моему, он приписывает лучшие воззрения, чем каковы те тот имеет. Передай Марфе, что ее письмо, в котором она отвечает насчет моих воззрений о «нравственности» крестьянской молодежи, я получил, но, признаться, не совсем понял. Ей я отвечу в следующий раз. Ну, будь здоров, дорогой мой брат. Крепко целую тебя и всех близких. Пиши, насколько можно часто. Любящий тебя

Л. Дейч.

XII.

Карийск, 31 марта 1892 г.

Милая, хорошая сестра моя! С одной из предыдущих почт получил от тебя письмо — ответ на мое — по поводу

¹⁾ Соня и Августина Каминеры — сестры Надежды Исааковны, жены Пав. Бор.; Титыч — известный бывш. земледелец Тищенко; все трое, по возвращении легально из-за границы в Россию, были арестованы вследствие оговора Г. Гольденберга и высланы в Зап. Сибирь.

²⁾ «Яни» — псевдоним Самуила Мейера, осужденного одесск. воен.-окр. судом к бессрочн. каторге весной 1883 г.; насколько знаю, живет ныне в Одессе.

нравственности деревенской молодежи. Я много раз перечитывал его, но, признаться, не вполне понял, что ты собственно хочешь сказать. Но об этом я пока не буду распространяться. Проплававшая почта принесла мне целое богатство: Павел прислал 4 т.т. «Сageу» и письмо. Большое ему спасибо за то и другое. Пока не собрался еще ему ответить, так как писал ему с одной из прошлых почт. Передай ему, пусть и впредь присылает подобные же произведения¹⁾. Буду ждать с нетерпением продолжения. Я, конечно, не успел еще прочитать всего, но многое, наиболее интересное, уже просмотрел и составил себе понятие о характере этого издания. Не скажу, чтобы оно было восторженное, как я ожидал, судя по твоим сообщениям о «шумных дебатах». Даже статья о «Tschernischew.» [Чернышевском]²⁾ не привела меня в восторг: я нахожу в ней много повторений, расплывчатости и излишнего нагромождения побочного материала. Местами даже слаба: очевидно, автор не сумел справиться со столь богатой темой³⁾. По замыслу и чувству, которое руководило автором, хороша статья о «Молод. из бурж. среды»⁴⁾, но слог тяжелый, немецкий, чему я очень удивляюсь, так как этот автор всегда писал легко. Но это — одно из лучших произведений: много в нем верных мыслей, не говоря уже о чувствах автора, очень симпатичных. Я уверен, что оно многих заставит подумать и задуматься. Зато произведение Тамаг'н⁵⁾ очень слабо и скорее годится на страницы какого-нибудь «Petit Journal»⁶⁾. Я даже удивляюсь, зачем оно помещено, разве для наполнения пустых страниц: ни художественности, ни верности исторической. Читая эти главы, не верится, что это о знакомой среде; это скорее похоже на страничку из истории

1) В переплетах этих книг были заделаны сборники «Соц.-Дем.».

2) Ради конспирации я написал это латинскими буквами.

3) Нечего, полагаю, говорить, что я вынес тогда самое неверное представление об этих замечательных статьях Г. В., что могу теперь об'яснить окружавшей меня сплошь народофильской средой, разославшей Плеханова вдрызг, что отчасти передалось и мне.

4) Понятно, что я имел в виду ее статью «Революционеры из буржуазной среды».

5) Тамаг'н, т.-е. С. Кравчинского-Степняка, отрывок из «Андрея Кожухова».

6) Парижская бульварная газета.

карбонариев. Не подумай, дорогая, что я в «разносительном», придиричивом настроении. Но, право же, произведение это очень слабо, слабее, чем я ожидал, и я не удивляюсь, почему английские издатели не соглашались, как ты сообщила, напечатать его. Слабы также статьи Marx-Aveling и Engels'a; произведение последнего о дипломатии к тому же не верно с фактической стороны; он подчас на свой манер подтасовывает исторические события. Кстати о нем. В «Русс. Вед.» напечатано, что в «N[eue] Z[eit]» он поместил резкий отзыв Marx'a о Лассале, частью писанный 15 л. наз., и что это письмо вызвало целый переполох как среди рабочих, так и в буржуазной прессе, что Либкнехт разнес за этот «нелюбяльный» поступок Энгельса. Решительно не могу понять, зачем ему понадобилось поднимать старые дрязги? Сообщи, что ты знаешь об этой истории? — Только теперь узнал о тяжелой болезни Дрезденского юноши¹⁾. Я ничего из твоих писем не знал о нем и думал, что вы его совсем потеряли из виду. Сообщи, если знаешь, его адрес. — Хотя я много читал в рус[ских] и польских газ[етах] и жур[налах] о парижском рабочем конгрессе, но статья нового левого гегелиан[ца] очень мне понравилась, кое-что в ней мне было неизвестно, напр., речи 2-х «интеллигентных» представителей, и вообще она написана хорошо. Это, пожалуй, одна из лучших статей. Здесь произвело некоторое впечатление сообщение из газет о статье Тихомирова, напечатанной в № 1 «Русс. Обоз.», — «Нужна ли нам фабрика?», где он доказывает преимущества крупного производства, которое он считает не только желательным, но и необходимым. Товарищи шутят уже, говоря, что и он превратился в левого гегелианца, хотя, конечно, понимают, какая разница между его желанием и — первых. Но довольно все о литературе. Перейдем к более прозаичным вещам. — Ты обещаешь выслать мне часы, чему я очень рад. Но имей в виду, что 1) я хочу получить очень хорошие, верно идущие и, во-вторых, не хочу, чтобы ты на них издерживала свои заработанные деньги. Если не имеешь возможности достать специально для этого от кого-нибудь из приятелей или доброжелателей, то напиши, сколько рублей нужно, и я по-

1) Т.-е. О. Е. Слободского.

стараюсь выслать отсюда, хотя это и очень неудобно и хлопотливо. Я, кажется, писал тебе, что, с выходом в команду, получил от Сашеньки ¹⁾ несколько писем (денежных) и посылку. Но вот теперь нам опять запрещено переписываться с не-родственниками, а так как мне трудно доказать родство с нею, то приходится прервать с нею переписку, что меня очень огорчает: письма ее бывали довольно интересны, хотя исключительно личного характера — о ее жизни, заработках, о Вите и т. п. К тому же она единственное лицо в России, с которым я переписывался: сестра Маня года 11½ уже как не пишет мне. От Дмитра я также давным-давно не получал письма и даже не знаю, где он и что с ним. Если получишь какое от него известие, сообщи мне подробно, указав, откуда оно и от какого времени. Павлу передай, что «Frankf. Zeit[ung]» я только три раза получил, а также 15 руб. от него же. Получил ли Мойша ²⁾ присланные ему его родственниками книги, наверно не знаю, но, кажется, нет ³⁾. Ну, пора кончать письмо. Надеюсь, что теперь у вас уже прошли те страшные холода, о которых ты писала в предыдущем письме; сегодня 31 марта (12 апр. по вашему), твоя годовщина ⁴⁾, если не забыла. Не знаю, как ее отпраздновать, вероятно, куплю водки и выпью за твое здоровье чарку-другую. У нас пока еще холодно, хотя снег почти и оттаял. Всегда скверно чувствую себя ранней весной, то же начал было уже чувствовать на прошлой неделе, когда присланные немецкие книги развлекли меня. Ну, будь же здорова, милая, дорогая моя. Крепко, крепко обнимаю тебя. Пусть Жорж не сердится за резкий и, вероятно, несправедливый отзыв о его детище: мож[ет] быть, вчитавшись серьезнее, я признаю, что ошибся в своем заключении. Павлу напишу особо с одной из следующих почт. Пока

¹⁾ Алек. Иван. Успенская, сестра Веры Ивановны Засулич. Витя — ее сын, тогда студент, впоследствии — врач.

²⁾ Революционный псевдоним Аарона Исаак. Зунделевича.

³⁾ Затем следуют десять строк, тщательно зачеркнутых, очевидно, тюремным чиновником. О чем я в них сообщал, мне, конечно, невозможно восстановить, но вероятно о чем-нибудь, относившемся к условиям нашей жизни, порядкам и т. п.

⁴⁾ Годовщина оправдания ее судом присяжных по делу о ее покушении на ген. Трепова.

целую и благодарю его очень. Мой сердечный привет и наилучшие пожелания всем вам, мои дорогие. Сообща, какова дальнейшая судьба вашего предприятия. Есть ли надежда на его продолжение. Ну, еще целую всех вас.

Любящий тебя безгранично брат твой

Лев.

ХIII.

Кари́йск, 15 (29) [апр.] 1892 г.

Дорогой мой брат! Недели две назад получил твое письмо, начатое еще в конце прошлого года и оконченное в этом году, повидимому, в Морнэ. Не могу, брат, не выразить своего неудовольствия, что ты так медлишь с ответами и вообще редко пишешь: ты ведь знаешь, какое удовольствие, — нет, больше того, — какую для меня потребность составляют твои и сестрины письма. Она, правда, пишет чаще, но, как знаешь, крайне лаконична и скупа на сообщения могущих меня интересовать известий, слухов и пр. От Дм[итра] я также не получаю писем, но — не вследствие его лени или забывчивости. Так, обр., как видишь, я остаюсь почти совершенно вне связи и общения с близкими, а это для меня большое лишение. Знаю, конечно, все, что «ты можешь сказать в свое оправдание», и, принимая это во внимание, могу быть объективным, беспристрастным. Но временами, признаюсь, сержусь и отпускаю мысленно неодобрительные эпитеты на ваш счет. Но, бог с вами. Последнее твое письмо, хотя и касается почти исключительно прозаического дела — кефирного твоего предприятия, — тем не менее показалось мне очень интересным, благодаря его обстоятельности, за каковую я приношу тебе даже благодарность: ты ведь знаешь, что я мню себя скрытым, «потенциальным финансистом», которому лишь обстоятельства помешали применить на деле свои «способности», а то и «таланты». Меня интересует техника и организация всякого сколько-нибудь крупного промышленного предприятия, даже когда оно не имеет никакого отношения ко мне или к кому из близких мне, а просто по объективному интересу. Тем сильнее этот интерес, когда данное предприятие — дело близких мне людей. Фактическими данными ты уяснил мне общее поло-

жение твоего заведения, его размеры и отчасти — организацию. (Признаюсь, я с удовольствием читал о некоторых приемах, указывающих на то, что у вас есть стремление поставить дело широко и пользоваться некоторыми улучшениями и усовершенствованиями, напоминающими крупное предприятие: телефон, газовое освещение, объявления, филиальн. отд.). Но я все же не могу понять, почему это предприятие, в конце концов, дает ничтожные, а то иногда и никаких доходов и даже — убыток? Я не могу понять, в чем причина этого положения? Если на кефир есть у населения спрос, то оно должно в среднем оплачивать его так, чтобы покрывались все издержки с известной чистой выручкой; а если его нет, — тогда, за 7—8 лет твоих усилий, ты должен был убедиться, что вызвать необходимого спроса ты не можешь, не в силах, а следов., при малейшей возможности нужно развязаться с этим предприятием и не тянуть канители, как ты мне описываешь ее. Ты скажешь, конечно: «тебе легко, будучи вдали, сплеча, так скоро решать — взял, мол, да бросил, раз убедился, что невыгодно; а будь ты здесь, сам бы увидел, что тут перепутана целая масса причин и условий, мешающих так легко развязаться». Я даже отчасти и догадываюсь об этих причинах, но все же думаю, что или само это предприятие не может быть прибыльно, или в ваших приемах, средствах и условиях есть нехватки. В первом случае, как я уже сказал, остается только бросить, не льстить себя надеждой, не тянуть времени, а во втором — надо сделать все от вас зависящее, что, я уверен, вы давным-давно и сделали. Но довольно пока о кефире (ты, однако, время от времени, делись со мною сведениями о ходе этого предприятия). Поговорим о другом, о заведении Рольника. Ты меня обрадовал сообщением, что оно пережило кризис, и что есть надежда на улучшение дел фирмы ¹⁾. Я теперь не имею никакого представления о положении дел этой фирмы, — ты и сестра крайне лаконичны и даже — пифичны: какие-то у вас намеки, упоминания, высказывания надежд, а «зачем и про что», как говорит один мой знакомый, «не-

¹⁾ «Заведение Рольника» — жевевская типография группы «Освоб. Труда». Слово «фирма» тоже употреблено из конспиративных соображений, для отвода глаз.

известно». Сестра, напр., упоминает о поездке Жоржа в Париж на свидание с кем-то из родственников. Но какое это может иметь отношение к заведению Рольника, на что она намекает, мне, непосвященному, конечно, ни в жизнь не сообразить. Нет, брат, скверно, будучи отделенным от близких тысячами верст, сохранять живой, сильный интерес ко всему, что их касается! Тогда еще интенсивнее чувствуешь неприглядность своего положения, невозможность быть спокойным, «уравновешенным». Мне хотелось бы знать обо всем, вас занимающем, а тут — в месяц «по столовой ложке» — получаешь пифические и лаконичные намеки на ваши условия, интересы. Руки опускаются, не хочется браться за перо, чтобы писать вам, зная, что все мои просьбы, старания вызвать у вас охоту писать подробнее и чаще пропадают даром. Да и о чем могу я писать, не получая от вас импульса?! Условия моей жизни я давно и много раз описывал. О моих занятиях много не распишешься: почитываю книжки, да что толку в этом? Кстати, теперь читаю Брайса — Американ. конст., обстоятельное и интересное с фактической стороны сочинение, но личные взгляды автора, его восторг перед тамошними порядками у меня, наоборот, почему-то возбуждают антипатию к этой стране. По этому поводу у меня здесь происходят часто споры с одним товарищем, большим поклонником С.-А. Соед. Штатов ¹⁾. Но у нас сравнительно ограниченные сведения и источники. Не можешь ли у геноссов узнать и достать сочинения по этой части? Читал ли ты книжку Либкнехта о его путешеств. в Америку и как думаешь, можно ли мне рассчитывать на ее получение? Присланное тобою давно сочин. Сарториуса фон-Вальтерсгаузена об америк. рабоч. союз. мне в общем понравилось. Можешь, если есть, прислать и др. в этом роде. Посланные давно родственниками Мойше немец. книги (статист. Швейцарии) и др.) он получил, и мы прочитали их с большим интересом ²⁾. Можешь, и даже прошу, прислать другие сочинения в том же роде. — Ты упоминаешь о письме ко мне

¹⁾ То был безыизвестный Фаддей Рехневский, осужденный в Варшаве на каторгу по делу «Пролетариата» в 1887 г. См. о нем в кн. «16 л. в Сибири».

²⁾ В переплетах этих книг также был заделан «Сборник Социал-демократа».

твоего шурина (как его фамилия?), написанном в июне, но я такового не получал¹⁾. Ну довольно. Посылаю наилучшие пожелания всем, всем близким. Целую тебя и других много и крепко.

Твой брат *Лев*.

Сестре скажи, что я ей недавно писал и на прошлой неделе получил от нее письмо. Жду от нее извещения о результатах поездки Жоржа и вообще о делах заведения Рольника.

XIV.

Карийск, 19 сентября [1 окт.] 1892 г.

Дорогой мой брат Павел! Последнее твое письмо, так же, как и предыдущее, почти целиком посвященное твоему кефирному предприятию, я довольно давно получил, но до сих пор все никак не мог собраться, чтобы тебе ответить. Отчасти тому причиной всякие житейские мелочи, отчасти — настроения и лень. На этот раз не буду касаться твоего заведения, так как последним письмом ты выяснил кое-что, оста[ва]вшееся мне непонятным. Скажу только, что вполне понимаю и искренно сочувствую твоему нравственному состоянию, обуславливающемуся, как ты пишешь, «ложным и двусмысленным положением», каковое ты занимаешь вследствие «несоответствия между кажущимся внешним видом и действительностью»²⁾.

¹⁾ После этого десять строк тщательно зачеркнуты. Просматривавший тогда нашу переписку тюремный служащий, некий Похорук, о котором я сообщаю в кн. «16 лет в Сибири», пропускал очень опасные, с точки зрения правительства, места и зачеркивал неимевшие никакого политического значения сообщения о мелочах, — просто по невежеству.

²⁾ Как я уже когда-то сообщал, П. Б., вместе с женой и свояченицей, не покладая рук, работали в устроенном ими кефирном заведении с раннего утра до позднего вечера, тем не менее они перебивались с хлеба на квас, еле будучи в состоянии сводить концы. Несмотря на это, «добрые люди», даже знавшие обо всем этом, находили возможным распускать слухи, будто Аксельрод превратился в «буржуя», изменил своим взглядам и т. п. Все это его, понятно, крайне огорчало.

Мне приятно, что ты считаешь меня способным «поставить с самого начала это предприятие так, чтоб оно давало на жизнь не одному только твоему семейству (с компаньоном)¹⁾, а при невозможности этого, зажать другим рты и тебя нравственно успокоить». Не берусь решить, насколько верны эти твои лестные обо мне представления, но одно могу сказать, что оставайся я с вами, то, конечно, употребил бы все мои способности на поддержание как твоего материального, так и морального состояний. Думаю, однако, что твое представление несколько преувеличено. Говорю это не из понятной скромности. Ну, да это не важно. — Жаль, что ты так лаконично сообщаем о результатах поездки Жоржа в Париж, о примирительных переговорах с тетушкой Сарой; жаль, что раз начатые по твоей инициативе переговоры ничем существенным не окончились²⁾. Грустно также, что вот уже 10-й год, как существует фирма Рольника и К^о, а, как ты пишешь, до сих пор это предприятие «далеко от процветания, что в значительной мере зависит от отсутствия деловитого директора». Вообще, я должен тебе сказать, что о ходе дел этой фирмы я имею, быть может, еще менее ясное представление, чем о твоём кефир[ном] заведении, так как Марфа еще значительно лаконичнее сообщает о нем, чем ты о своем. Мне представляется крайне мизерным производство этого заведения. Я даже не знаю, увеличилось ли и насколько его производство? Продолжается ли старое производство или взялись за новые образцы? Увеличилось ли число потребителей и участников и насколько? Помогают ли вам родственники с родины и пр.³⁾ Ты в последнем письме говоришь только о «моральном завоевании». Но ведь без «материального» приобретения одно моральное далеко не достаточно. Отсутствие «деловитого директора» также ведь

¹⁾ «Компаньоном» стал Саул Гринфест, о котором сообщено в № 1 нашего Сборника.

²⁾ Как теперь известно из разных печатающихся материалов, целью поездки Георг. Валент. в Париж были переговоры о сближении с тамошними народовольцами, — главным образом с Лавровым и с Мар. Ник. Ошаниной, которую ради конспирации мы и называли тетушкой Сарой (из ром. Шпильгагена «Один в поле не воин»). Переговоры эти ни к чему не привели.

³⁾ После приведенных мною в предыдущих письмах объяснений, надеюсь, понятен смысл всех перечисленных здесь вопросов.

может быть объяснено «непроцветанием», недостаточной привлекательностью этого предприятия, т.-е. если бы дела шли хорошо, то не было бы недостатка в деловитых людях. Словом, это какой-то заколдованный круг, и, во всяком случае, получается далеко не отрадная картина, когда вспомнишь, что почти десять лет прошло с момента основания этого заведения. Я надеюсь, что раз ты решишься посвятить меня в подробности этого предприятия, то я больше узнаю и скорее пойму причины его не процветания, чем из писем сестры. — Очень обрадовало меня твое сообщение о питерских увриерах, которые 3 мая (нов. ст.) хорошо выдержали экзамен по предметам геноссовщины¹⁾. Об этом отрадном факте, как и вообще о родственниках, живущих на родине, я давным-давно решительно ничего не слышал, и чувствую себя как бы совсем оторванным от родины. Сестра Маня пишет мне раз в год-два, да и то всегда наполняет письма одними лишь самооправданиями и объяснениями своего продолжительного молчания. Я бы очень хотел, хотя изредка, получать от тебя обстоятельные письма общего характера, как, помнишь, бывало раньше, когда я сидел в тюрьме. — Ну, как твое здоровье, как идут твои занятия? Все ли продолжают головные боли и мешают ли тебе бессонницы работать? Ты в последних письмах ничего мне не пишешь лично о себе. Что ты читаешь, что нового в литературе? Как бы я хотел хотя знать по слуху, если не лично прочитывать, что [именно] сколько-нибудь выдающегося появляется! Нет, вы с Марфушей ужасно скупые личности: не хотите со мною делиться даже такими сведениями! Отчасти поэтому и у меня пропадает охота своевременно отвечать на ваши письма. Ты должен, ведь, помнить, что я был аккуратен в переписке, а теперь она, ввиду моего положения, приобрела еще большее для меня значение. Но возвращусь к литературе. Мне попадались благоприятные отзывы и интересные выдержки из «Zentralbl. für Socialpol.». Знакомо ли оно тебе? Думаю, ввиду наших условий, что оттуда я мог бы почерпнуть интересующие меня факты.

¹⁾ Кажется, ясно, что я имел здесь в виду первое празднование петербургскими рабочими первого мая. «Геноссовщина» — товарищество, международная солидарность.

Сообщи, не получает ли его кто из твоих геноссов, и можешь ли мне его по прочтении пересылать. Недавно попало мне сообщение, что Бебель пишет большую книгу об истории их увриеров. Правда ли это? Думаю, что у него выйдет это очень интересно, и мне страсть как хотелось бы прочитать ее. Но что в том толку?! — О себе скажу немного. Живу по-прежнему, ни в чем, кроме интересных книг, особенно не нуждаюсь, понемногу занимаюсь, читаю. За отсутствием более свежих материалов, невольно принялся за Истор. Госуд. Росс.—Соловьева. Это—29 т.т., и даже сидя в тюрьме, при всей монотонности тамошней жизни, я не решался приниматься за это сочинение, так как были более интересные, а тут, как видишь, приходится чуть ли не за библию браться, так мало (или почти никаких для меня) более животрепещущих сочинений. — Я, помнишь, писал тебе (и сестре), что был план нас переселить в другое место; теперь это намерение оставили, и мы по-прежнему будем жить здесь, чему я (и др.) очень рад, так как вовсе неприятно менять насиженное место, имеющее много хороших сторон, на неизвестное новое. Пора кончать. Пиши же, по возможности, обстоятельно как о близких, так о геноссах, литературе и т. д. Всего вам всем наилучшего. Семье твоей и всем, помнящим меня, мои особые поклоны и пожелания. Целую тебя. Твой брат *Лев*.

XV.

Благовещенск, 11 (23) февраля 1900 г.

Дорогой брат! Я очень обрадовался твоему письму, хотя в первую минуту, признаюсь, испугался: увидев, что почерк не сестры, подумал, что с ней что-нибудь нехорошее стряслось. О ее здоровье дошли до меня еще летом печальные слухи (через сестру нашей общей знакомой — зубного врача Цецилии Самойловны). — Ты ошибаешься: я не приписываю твоего молчания изменившемуся с твоей стороны ко мне отношению, — я объяснял это приблизительно так, как ты сам сообщал. Я же не писал, потому что был уверен, что сестра делится сведениями с тобою, а жизнь моя все время до того однообразна, что не дает материала, чтобы не повторяться, для разных тем, особенно, когда почему-

нибудь прерывается переписка, — что, впрочем, почти никогда не случалось по моей вине. Я рад твоему намерению впредь вновь не прерывать со мною переписки. Надолго ли только у тебя его хватит. Впрочем, м[ожет] б[ыть], теперь ты действительно будешь аккуратнее, так как обстоятельства несколько изменились в более благоприятную для переписки сторону. Ты и сестра, повидимому, придали чересчур большое значение маленькому огорчению, выпавшему из-за переписки общего друга о его мечтаниях ¹⁾. Сестра, очевидно, его не поняла и, конечно, не хотела его огорчить, но случай исчерпан. Ты же чрезмерно расписываешь будто бы присущие другу необыкновенные качества, каковых он положительно не имеет, хотя, говорят, он вовсе не отличается скромностью и самоуничижением. Своим эзоповским языком он хотел только сообщить сестре, что хорошо было бы ему на старости очутиться среди близких, при условии, конечно, быть в состоянии зарабатывать каким-нибудь способом на пропитание, к чему он пока еще чувствует себя способным как в физическом, так и в других отношениях. Вообще он вполне бодр и здоров. Намерения у него, как видишь, очень скромные, но осуществляются ли они и когда — большой вопрос: может быть, года через два, а может, и еще того позже. Обстоятельства заставляют его откладывать план осуществления свидания с родителями, пока он не накопит нужной для поездки суммы (руб. 1.000), что, собственно, было бы для него вовсе нетрудно, если бы он умел скрабничать, экономить, и если бы на каждом шагу не попадались ему нуждающиеся. Состоит он теперь фактическим редактором вновь основанной здесь газеты [экземпляры] которой я на-днях получил обратно из Цюриха и вновь тебе их переслал (на адрес: Mühlegasse, 33.). Там много его статей и заметок по разным вопросам и отделам. Труд этот должен оплачиваться 200 р. в месяц, но так как издатель — чело-

¹⁾ Под этим я имел в виду сборы бежать, о чем и сообщил Вере Ив-не; она сперва, не поняв цели моего намерения бежать только за границу, предположила, что я собираюсь ехать на нелегальную работу в Россию в качестве «литератора-полемиста», стала отклонять меня от этого намерения и сделала это в несколько раздражительном тоне, что меня очень огорчило. Подробно весь этот инцидент изложен в письмах ее и П. Б. Аксельрода, помещенных в № 4 наших Сборников.

век прекрасный — сам перебивается с хлеба на квас, то и друг наш не получает условленной суммы, надеясь — впрочем, без особенных шансов, — что, если дела у издателя вдруг изменятся к лучшему, он сразу сделается обладателем желанной тысячи (теперь за тем уже целых 400 руб.!). Но все, конечно, «мечты, мечты». Так-то обстоит дело, по поводу которого в переписке с сестрой вышло упомянутое разногласие или взаимное непонимание. Ты, в сущности, тоже, повидимому, не вполне понял его, приписав ему «организаторские способности» и заявив, что «он один мог бы нам теперь еще оказать» услугу. Поверь, брат, что, если бы друг наш хоть приблизительно смотрел так на себя, — он давно уже оправдал бы ваше мнение, не остановился бы перед ограниченностью своих средств (да и их скорее собрал бы). Потому-то его и разбирает раздумье, — стоит ли покидать насиженное место, где он легко находит, сравнительно, большой заработок, чтобы вновь очутиться в стране, где будет совсем неприспособленным к трудовой жизни. Не думай, что на него время нагнало апатию, равнодушие или упадок сил: он только стал, если можно так выразиться, осторожнее, рассудительнее и представляет себе неизвестные еще условия приблизительно такими, какими они были при нем. — Теперь, надеюсь, ты его понял, а затем будем, вероятно, еще возвращаться к этой теме. — Дмитро недавно должен был послать деньги для сестры на адрес: Mühle-gasse, 33. Herrn Paul; на всякий случай, справься об этом на почте и сообщи, что это — для тебя. Мы с ним очень беспокоимся относительно ее материального положения; от нее, конечно, ничего толком не узнаешь. Поэтому прошу тебя сообщить прямо, без утайки, нужно ли ей посылать деньги? Как она живет, как ее здоровье, как проводит время и пр.? За это я и Дм[итро] скажем тебе большое спасибо. — От тебя Дм[итро], кажется, не получал писем, так как он сообщил бы мне. Теперь перешлю ему твоё ко мне, — он будет рад; я пересылаю ему и сестрины. Он очень далеко от меня, в Якут. обл. на уроке и копит деньги для возвращения на родину, а также для поездки на воды — у него разные болезни — мигрени, геморрой. Думает и ко мне заехать (это тысячи 3—4 вер.!), но собирается он уже 4—5 лет, а все не может выбраться: мы с ним не виделись

уже более 10 л., но, конечно, все время поддерживаем деятельную переписку. — Здесь из старых — Синегуб, недурной человек с многочисл[енным] семейством; он, как и все, нашего российского, эклектического направления. Единомышленников у меня — никого, но я уже привык к этому, хотя временами и тяжело бывает от такого одиночества. Как же ты поживаешь? Как твое здоровье, как чувствуешь себя? Каковы твои материальные дела? Сколько у тебя детей и где они обретаются, где учатся? Как поживает Надя? Что подделывает? Поди, вы все уже старики? Да и я уже начал сесть. Кто и как живет из наших общих знакомых? Ведь сестра редко о ком упоминает. Буду рад, если ответишь подробно, а также если соберешься что написать для газеты в виде письма о тамошней жизни вообще. Посылать ли тебе нашу местную газету, или для вас это неинтересно? Ну, крепко целую вас всех, в том числе Жоржа с семьей.

Адресуй так: сюда, зубному врачу Пелагее Давидовне Сироте — и только.

XVI.

Благовещенск, 18 (31) мая 1900 г.

Дорогой мой брат Павел! Получил твое письмо и сейчас же отвечаю. Признаюсь, содержание его меня несколько разочаровало. Дело в том, что за несколько дней до этого я окончательно расстался с редакцией газеты. Процесс этого расставания начался давно, — чуть не с первых дней возникновения газеты и моего в ней участия. Причина — наши разногласия с большинством редакции, каковое большинство — народники, поклонники Михайловского и К^о. Редактирование в течение 1/2 года газеты, однако, принесло мне и пользу: оно обогатило меня опытом. Если бы ты знал, сколько препятствий, даже помех и трудностей мне пришлось преодолевать и выносить, состоя в этом деле! — Ты, однако, все же не можешь, вероятно, понять, почему меня разочаровало содержание твоего письма? Очень просто: при том положении и настроении, в которых я теперь обитаю, я мысленно, как это бывает в таких случаях, хватался за надежду, что вот получу от тебя письмо, в котором найду что-нибудь для себя утешительное, приятное. Зная заранее,

что это—фантазия, тем не менее я почувствовал еще большую грусть, когда узнал из твоего письма, что и у вас там какие-то недоразумения, нелады, из-за каковых ты должен был ездить к Ж[оржу] и очень расстроился. Почти одновременно я получил письмо от Дмитра, которое касается вашего положения.

Оно настолько, по-моему, интересно, что я приведу это место целиком.

«Мечтания Павла пустить в ход твои практические таланты для оживления их захиревшей группы с его точки зрения вполне понятны. Но это дело, по-моему, безнадежное. Странные люди! Исповедуют по существу эволюционную теорию и в то же время как бы желают возвести ее в неизменяемый догмат. Это «eine alte Geschichte [старая история], в силу которой люди, сжившиеся с известными идеями, туго воспринимают новшества. Они сделали свое большое дело: втолкнули движение в новое, большое русло, — в этом и заключалась их миссия. А чтобы заставить реку течь без зигзагов, это мудрено. Живая натура прямолинейности не выносит... Состарились они видно. Кто вызывает к невозвратному прошлому, вместо того чтобы, поняв новое, приобщиться к нему, тому пора приняться за писание воспоминаний. Если по-ихнему все ударились в ересь, чего же они ее не обличают? С таким испытанным литературным оружием, как у них, нет надобности ни в каких группах. Небось, лет 6 назад они и без нее на шумели на всю Россию. А почему? Потому, что попали в тон «естественного хода истории». Меня, напр., несколько не соблазняет неблагодарная теперь роль восстановления «старой группы». Одно это ловление человечков и человечки, вечное ломание головы, где бы достать франки... ой, как скучно! Интереснее уж вести газету где-нибудь в Азии, чем такая деятельность в Европе...»

Конечно, в приведенных рассуждениях Дм[итра] много неверного, априорного, выведенного отчасти из слухов, журнальных статей и ложно понятых сообщений сестры и из твоего предыдущего письма ко мне. Ты ведь не предлагал мне явиться восстановителем «старой группы»; точно так же неверно, будто вы желаете возвести свои воззрения в «неизменный догмат», будто «вызываете к невозвратному прошлому» и будто в новом направлении видите «ересь». Неверно также его предположение, что вообще при таком орудии, как литература, вам не нужна группа. Несмотря однако на все эти ошибочные соображения, его взгляды интересны, как признак недоумения, почему вы, так сказать, очутились за бортом? В самом деле, я также не могу себе этого объяснить. Хотя я и не берусь утверждать, что это произошло

по вашей вине, потому что вы «не поняли нового направления», но и мне кажется чрезвычайно странным, непонятным получившийся результат, — факт вашей изолированности. Из писем сестры я этого никак не мог уловить, — объясни, насколько можешь. Далее, я вполне согласен с Дм[итром], что заниматься теперь в Европе изловлением отдельных лиц и доставанием франков очень скучно, и, повидимому, судя по твоим и сестры письмам, мне, напр., лично ничем другим не оставалось бы там заниматься. Ты, впрочем, в последнем письме совершенно обходишь молчанием этот вопрос, и я не знаю, как ты на него смотришь. Ты сообщаешь, что тебя расстроила поездка к Ж[оржу] и те переговоры, которые пришлось вести, — может быть, в этом причина твоего молчания насчет вопроса о свидании с Женькой, о чем я подробно распространялся в предыдущий раз ¹⁾. Твоя благодарность мне за «христианское отношение» к твоей неаккуратности в переписке меня удивляет: я понимаю, что не пишешь подолгу потому, что нет живого интереса писать при тех условиях, в которых нам с тобою приходилось жить многие годы. Этим я, конечно, не хочу сказать, что так оно и должно быть, что я точно так же поступал бы, но мое христианское отношение здесь не при чем. Конечно, ваши письма доставляли бы мне большое наслаждение, облегчение и пр., но раз не пишется, что же мне делать, сердиться-то не за что, а менять отношение к близким — и подавно. Но все же, повторяю, будет лучше для меня (а может, и для вас, — кто знает?), если впредь наша переписка не будет так неаккуратна, как это было в прошлом. Для этого поставь себе за правило — непременно отвечать вскоре по получении моего письма и в ответах следить за содержанием моего, прибавив о всем том из ваших условий, что может быть мне полезно и интересно знать. — Жизнь здесь очень дорога; заработок найти сколько-нибудь подходящий и чистоплотный довольно трудно. Здесь со мною мой мальчик — Яша (4-й год ему). На несколько месяцев хватит моих сбережений, чтобы прожить скромно, но вопрос о будущем меня беспокоит, —

¹⁾ Собираясь бежать из Сибири, я написал об этом П—ду Б—чу в том, мол, смысле, что «брат Женька» желает свидеться с родственниками.

никогда еще в прошлом я не был в подобном затруднительном положении. Не подумай, брат, что я уже прихожу в отчаяние, — я лишь делюсь с тобою, как с близким, сведениями о своих затруднениях, и в этом, напр., отношении переписка с тобою является большим для меня облегчением: здесь ведь нет у меня ни одного сколько-нибудь близкого человека. — В последнем письме Дм[итро], меж[ду] проч[им], сообщает, что летом, в июле, он намерен поехать на родину, чтобы повидаться с родными, рассчитывая, что ему разрешат это. По всей вероятности, действительно разрешат, — тогда я буду чувствовать себя здесь, в Сибири, еще более оторванным от близких. — Но довольно о себе. — Почему ты ничего не пишешь о своих близких, о своем положении, о занятии, заработке, о Жорже, Розе и др.? Сестра ведь всегда была очень скупа на этот счет. Почему она мне не пишет, чем это об'яснить? Перешли ей для прочтения письмо. Ну, всего хорошего всем вам; крепко целую Надю, твою Верочку и др. твоих. Не забывайте меня, пишите.

Ваш брат *Лев*.

Меня сильно беспокоит, почему от сестры ничего не получаю, — уж не случилось ли чего с нею, и ты скрываешь от меня ¹⁾. Умоляю тебя, сообщи ей, что я прошу ее написать мне хоть несколько строк.

XVII.

Благовещенск, 15 (28) июня 1900 г.

Дорогая сестра! Ужасно обрадовался твоему письму. Приятно было мне узнать, что, повидимому, Марфа побывала дома ²⁾ у родных и очевидно осталась довольна поездкой. К сожалению, ты не сообщаешь, как долго длилась эта поездка, чем она была вызвана, что собственно она там видела, как жилось ей там и пр. Все это меня очень интересует. Женьку ³⁾ обрадовало твое заявление, что и он был бы по-

¹⁾ Не писала «сестра», т.-е. В. И. Засулич, потому, что в это время ездила нелегально в Россию, а оттуда в Стокгольм. *Л. Д.*

²⁾ Т.-е. Вера Ивановна же в Петербурге.

³⁾ Меня же. *Л. Д.*

лезен у родных в имении. Но он сильно сомневается в правильности такого о нем мнения. Дело в том, что он считает себя мало подготовленным к ведению сельского хозяйства, а учиться этому искусству считает уже поздним для себя занятием. Поэтому он и не представляет себе, что бы он стал там делать? Впрочем, может быть, пожив предварительно некоторое время среди своих родных, он вновь почувствовал бы в себе прилив бодрости, энергии. Но в настоящее время он таковых качеств в себе не замечает¹⁾. Вообще, он далеко не в отменном настроении. Ближайшей причиной этого то, что планы, мечты его не только не приближаются к осуществлению, но, наоборот, отодвигаются в неопределенное будущее. План его скопить средства на путешествие если не окончательно разрушился, то отодвигается на довольно продолжительное и неопределенное время, что его чрезвычайно огорчает и угнетает. Вся суть — из-за презренного металла, но препятствие это, хотя и важно, не непреодолимое. Пока же он не только не копит, но, наоборот, проедает те сбережения, которые у него имелись, и они быстро приходят к концу. Что же касается Дм[итра], то я уже писал, что он пока собирается к себе на родину, чтобы повидаться с сестрами, а куда он затем устремится, полагаю, и сам еще хорошенько не знает. К плану Ж[еньки] он относится отрицательно, находя, что «заниматься изловлением юнцов и юниц, при вечной заботе о том, где бы достать франк на пропитание, еще скучнее, чем здесь прозябать». Я не вполне с ним согласен: здесь чувствуешь себя совершенно оторванным от всего живого, приходится возвращаться в совершенно чуждой среде, не видая, за крайне редкими исключениями, сколько-нибудь подходящих, близких по воззрениям людей. Жизнь при таких условиях на очень продолжительное время может хоть кого угодно засосать, превратить в индифферентиста, думающего лишь о своем благополучии, словом, в «мирного обывателя» или инвалида. Надеюсь, ты поймешь настроение Ж[еньки]. Очень вероятно, что, очутившись среди близких, он также почувствовал бы себя

¹⁾ Само собою разумеется, здесь речь шла о моем побеге из Сибири прямо в Россию на нелегальную работу, на что я тогда считал себя непригодным на первых порах, пока не осмотрюсь.

вскоре нехорошо, так как вопрос о материальных условиях жизни там чрезвычайно сложен и важен: жить литературным трудом он рассчитывать не может, п[отому] ч[то] мало к этому подготовлен, а технических знаний у него никаких. Поэтому он и напирает так на скопление суммы, достаточной, чтобы просуществовать хоть полгода там, кроме проезда. Но довольно об этом. — Статью о Писареве пока еще не собрался прочесть; я очень рад, что Н. Карел[ин]¹⁾ пристроился в этом журнале. — Отложил письмо и прочел эту статью. Она мне понравилась. Странно, почему в майской книжке нет окончания и вообще майская — тощая. — Однако пора кончать. Дальше пишу Павлу, ты тоже прочти его. Прошу тебя ответить подробно на поставленные выше вопросы. Береги свое здоровье, — тогда, вероятно, еще свидимся, может быть, не так уж долго придется теперь ждать этого, как кажется Ж[еньке]. Целую крепко. Пиши.

Дорогой брат! Почти одновременно с письмом сестры, где была записка и от тебя, получил большое письмо от тебя (на 2 поч. лис.), наполовину писанное карандашом, а также книгу «Критику пол. эк.». Других книг пока не получал. Из вышеизложенного к сестре ты уже, конечно, заключил, что твой «идеал» для Ж[еньки] и Дм[итра], чтобы они добились отпуска для лечения на воды, вполне маниловский, как ты и сам подозреваешь. Если на этом строить план свидания с ними, то можно с уверенностью сказать, что «идеал» осуществится, когда не будет уже почти никого в живых. Столь же химерична мечта, что, пожившись, они могли бы пристроиться к официальной прессе «и в других общественных учреждениях». Нет, брат, чтобы осуществился план [пока одного] Ж[еньки], нужно раздобыть ему средства, а не полагаться на благоусмотрение начальства, когда оно заблагорассудит его отпустить. Он вполне соглашается с тобой, что только «наговорившись, поживши и ознакомившись с тем, что есть», он мог бы, смотря по обстоятельствам и своему настроению, решить или там остаться, или вернуться назад. Такой и его взгляд. Вопрос весь, как видишь из вышеизложенного к сестре, в презренном металле, т. к. ничто

¹⁾ Этим псевдонимом В. Засулич подписывала свои статьи в легальных журналах.

другое теперь его не задерживает, и, будь у него нужные средства теперь, он скоро мог бы осуществить свое намерение. Просит он тебя серьезно обдумать и взвесить вопрос о материальных средствах, — как ты находишь, может ли он рассчитывать на приискание себе там источника для существования, раз ему пришлось бы надолго остаться там? Вопрос этот его очень смущает, — не хочется ему оказаться обузой даже близким людям, а уверенности, что он сам способен там найти заработок, нет у него. Но довольно об этом. Не забудь также просьбы об адресе ¹⁾ от геноссов в С[ан]-Фр[анциско]. — Пока получил только предисловие Жоржа к «Wadem[ecum]». Не зная всех ваших обстоятельств, я не могу понять, зачем нужна такая полемика в тесной и узкой среде. Это на непосвященных производит тяжелое впечатление; да и мало интересно, что какой-то «Г., один из нынешних столпов» (не знаю, почему подчеркнутые мною слова повторяются десятки раз, — в чем здесь острота?), какой-то NN. и MM. и другие такие же знаменитости неверно судят о таких-то вопросах? Не могу себе представить, чтобы такая полемика и в таком тоне, как она ведется у Ж[оржа], могла интересовать сколько-нибудь значительный круг лиц, а тем более, чтобы она была полезна? Я, конечно, не знаю всех обстоятельств, но насколько позволяет мне судить о них воображение, решительно не могу представить себе, чтобы *таким путем* можно было достигнуть уничтожения «хаоса», на существование которого ты и Жорж жалуетесь. Мне кажется, что такими «документами» можно только возбудить друг в друге ненависть, вызвать самые дурные чувства, при наличии которых немислимы никакие выяснения. Но довольно: может быть, я глубоко ошибаюсь, не зная всего, может быть. — Недавно один мой товарищ вернулся из Владивостока, где он встретился с этнографической экспедицией и свиделся с твоим сыном, которого очень расхваливает, как симпатичного и дельного парня. Ужасно жаль, что не мне пришлось быть на месте этого товарища. — В настоящее время здесь идут усиленные приготовления к войне с Китаем. Все в большой

¹⁾ Думая о побеге, я останавливался на пути через Сев.-Америк. Соед. Штаты.

тревоге, возможны очень серьезные последствия от этой войны не только для Китая, но и для европ[ейских] стран. От нас ведь [до] Китая рукой подать, — через реку Амур. Здесь идет уже мобилизация войск, а часть их уже выступила. Ну, да поживем, увидим. — Снова перечитал твое письмо. Ты с отвращением говоришь в нем «об идейном хаосе и тесно с ним связанном хаосе личных дрязг и всевозможных пакостей»; ты говоришь, что от этого «жить становится тошно и работать донельзя трудно», особенно «людям инвалидам», к каким себя почему-то причисляешь. Все это место производит крайне тяжелое, удручающее впечатление, и невольно рождается вопрос, — неужели нельзя было избежать дрязг и пакостей? Неужели люди так уж скверны и глупы, что не могут не отравлять друг другу жизни? А если действительно, как ты выражаешься, они не вышли еще из «средневекового периода, со свойственными ему варварскими стремлениями», то приходится брать действительность такую, какова она, и стараться по мере сил вносить в нее постепенно порядок, свет. Конечно, я не знаю конкретных условий, но только вижу, что и у вас «худо есть», как говорят здесь. По [одному] этому мне не представляется заманчивой ваша жизнь, а мое положение там, при этих условиях, кажется, было бы сугубо неприятным. Одно остается — удовольствие от совместной жизни, — это единственная и главная цель плана. Но я снова возвращаюсь к уже исчерпанной теме. — Слышал, что твоя Вера на медицин. курсах. Будьте все здоровы. Всего вам всем наилучшего. Буду надеяться, что время совместной вашей жизни с любящим вас Ж[енькой] уже не очень далеко, хотя теперь оно и отдалилось, как выше изложено. Авось, обстоятельства изменятся к лучшему для вас и для него. Не надо терять бодрости. Мне все же кажется, что более тяжелые моменты в вашей жизни уже пережиты, позади, а должны же когда-нибудь наступить и счастливые если не часы, то хоть минуты. Будьте же здоровы и бодры все. Крепко целую всех вас. Не откладывай ответа в долгий ящик.

XVIII.

26 декабря 1900 г. (8 янв. 1901 г.)

Дорогая сестра! Ровно месяц тому назад я начал писать брату Павлу прилагаемое письмо и все колебался, отправлять ли его, когда в начале настоящего месяца получил снова от него и от тебя письма, и я вновь начал думать и раздумывать насчет затронутой вами темы. Ты говоришь, что, будь Ж[енька] один, без мальчика, то, не колеблясь, написала бы ему: «приезжай». Это довольно ясный и определенный ответ, что побуждает и меня изложить определенно свой взгляд на этот вопрос. Конечно, для Жени не столь просто решить его, имея мальчика. Но не в нем вся суть: он лично, не колеблясь, решил бы осуществить план, не опасаясь за судьбу мальчика, так как последний в хороших руках, и он всегда мог бы быть за него спокоен. Но уже имеются другие причины, заставляющие его колебаться принять окончательное решение, это — неуверенность в себе, сомнение, будет ли он уместен, в состоянии ли он будет найти себе *всцело* поглощающее [его] дело, придется ли он, так сказать, ко двору, сойдется ли с вами со всеми и проч. в этом роде, а между тем все другие пути будут для него уже навсегда отрезаны. Ведь 15—16 лет много значат в жизни человека, и Ж[енька] несомненно изменился, — к лучшему или к худшему — не ему, конечно, решать. Он лично склонен думать, что — к худшему, да оно вполне естественно, так как он приближается уже к старости, следов[ательно], нет в нем той горячности, уверенности, настойчивости, а вместо этих качеств явились колебания, сомнения и рядом терпимость ко многому, всепрощение. Вот эти-то колебания заставляют его опасаться принять окончательное решение. Он вспоминает, что при подобных же колебаниях принятые в прошлом решения *всегда* оканчивались для него печально, и такие воспоминания еще более усиливают его колебания. Он и теперь больше полагается на безошибочность своего решения, принятого им вдруг, сразу, по интуиции, а не после продолжительного предварительного обсуждения. Между тем, в этом вопросе пока у него еще не явилось внутреннего бессознательного

толчка к бесповоротному решению. Не знаю, ясно ли я изложил происходящий уже процесс, но думаю, что ты меня поймешь. Повторяю только, что мальчик его здесь не при чем: будь он или не будь, — все одно, вероятно, процесс колебания происходил бы уже, а раз таковой имеется налицо, Ж. сугубо стал бы колебаться, размышляя приблизительно так: «а, ты колеблешься, значит, ты опасешься, значит, ты не должен принимать окончательного решения, а должен предоставить его времени». Особенно в последний год — полтора ¹⁾ почему-то сильно заговорили в нем неуверенность и сомнения относительно себя, своих способностей, пригодности к интересному делу и даже сомнения в возможности сильно, *целиком* чем-либо заинтересоваться. Он все чаще и чаще останавливается мысленно на вопросе, что так ничтожны его усилия и, следов., результаты их и, наоборот, так бесконечно велики и время и окружающие нас социальные условия. Но он вполне допускает, что, быть может, для него все эти вопросы окрашиваются в такой скептический, пессимистический цвет только потому, что почти 15 лет он живет в столь чуждых его основным воззрениям условиях, он должен работать совсем для других, мелких, ничтожных целей и должен всегда прятать свои мысли, редко показывая наружу даже ничтожный край их. Очень может быть, что в других условиях он вновь воспрянул бы. «Ну, а если нет?» — спрашивает он себя, и ты не можешь, думаю, отрицать законности и естественности этого вопроса. Однако довольно. — Ты пишешь, что если бы он не брезговал никакой работой, «хотя бы она была самая невидная», то такой нашлось бы для него «вволю». Конечно, он не гонится за «видной», но для него важно *собственное* сознание, что эта работа *нужна*, полезна, что это — не переживание из пустого в порожнее, не вздутая, выдуманная и не Сизифова. Реально, конкретно он не может решительно представить для себя *никакой* ни видной, ни невидной работы, очутись он среди родных, кроме чтения и знакомства с совершившимся. Фантазии, воображения

¹⁾ Быть может, отчасти в связи со знаменитым твоим письмом, — подчеркиваю «в связи», чтобы ты не подумала, что *вследствие* твоего письма.

у него, кажется, от природы нет, он слишком реалист и всегда заглядывает и в даль и в глубь. Вот и теперь он сознает, что та «невидная», ничтожная работа, которой он увлекался в 1883 г., когда он хлопотал и возился с барышнями, собирая гроши, была нужна, полезна, и он несколько не жалеет о том времени и о тех условиях. Но то было тогда *нужно*. «Ну, а теперь, что будешь делать?» Отсюда ведь нельзя этого решить, да и другие *за тебя* не решат, — нужно *самому* узнать, ориентироваться, *уловить*, что именно нужно и по силам ему. «А сможешь ли?» Найдется ли у него для этого достаточно и подготовки, и практической способности? — Только потому Ж. и писал об устройстве, о материальных условиях, что считает нужным некоторое время жить вне дел, вне возни. А ты так обстоятельно останавливаешься на вопросе об обстановке, о пище и обуви, — словно для него это вопросы первостатейной важности. Нет, дорогая, в этом отношении он едва ли от тебя чем отличается: ему также приходилось жить впроголодь и ходить в продранных сапогах, он также несколько никогда не печется о своем здоровье и ни чуточки не огорчается ничем этим, житейским. Что говорить о сих пустяках? Он, повторяю, не хотел бы — да и не мог бы — быть в *тягость*, лишней *обузой* для близких, а это неизбежно произошло бы, не *найди* он себе занятия, не имей он средств для жизни и не *сойдись* он с вами. Я второй раз повторяю последнее предположение, и это не зря, — ведь такое предположение естественно, зная, что все люди переменчивы. Вы все уже спелись, вероятно, и вот чужая птица будет только портить ваш концерт. Но ты вероятно скажешь: «напрасно Ж[енька] заранее думает, что он не придется ко двору». На это скажу заодно с ним — *немыслима* после стольких лет разлуки полная гармония. Припомни разногласия, предшествовавшие отъезду Ж[еньки]. Ну, да пора кончать. — На-днях получил от одной знакомой из Москвы сообщение, что она виделась с Сашенькой и Витей. Пишет, что они недавно виделись с тобой. Я очень обрадовался этому известию. Мне они давно уже почему-то не пишут, и я не знаю их адреса. Сообщи, какое они произвели на тебя впечатление после стольких лет разлуки? Судя по словам моей знакомой, Саш[енька] вынесла хорошее впечатление от свидания с тобою. — Мое

письмо о воен[ных] соб[ытиях] знакомая, повидимому, еще вам не переслала ¹⁾. Когда получишь, сообщи. — Из Питера сообщают, что молодежь «с энтузиазмом отнеслась к юбилею Н. К. Мих[айловского]», что будто доказывает, что идеи Карла Фридриховича потерпели уже фиаско, так как, мол, случись юбилей Н. К. несколько лет назад, он далеко не имел бы такого успеха. Что теперь, мол, молодежь убедилась, что «процесс идет вовсе не так, как предсказывал Карл Фридр., а за ним Бельтов и др., а именно так, как Н. К.». Боже, как все это скучно!.. Десятки лет толочься на одном месте и повторять такие глупые фразы! Но рядом с этим видишь сотни и тысячи «интеллигентов», которые не имеют даже понятия о самом имени Карла Фридр., которые не знают даже, какие-такие существуют «вопросы», — и вот живи среди таких условий! Какая тоска! Однако я ударился в минорный тон. — Будь здорова и жди, авось уже немного осталось до личного свидания.

Твой брат.

XIX.

Благовещенск, декабрь 1900 г.

Дорогой брат! Твое обстоятельное изложение материальных ваших условий подтвердило мои личные предположения об этом. Затем ты пишешь, что для Евг[ения] могло бы представиться нечто лучшее «изловления юнцов», но, не желая впадать в «маниловщину», удерживаешься от сообщения возможной для Евг. перспективы. Жаль все же, что ты не поделился, так как я лично не могу решительно представить себе, в чем могла бы состоять эта «маниловщина»? Как бы там ни было, вопрос о свидании с Евг. может окончательно решиться только весной. Дело в том, что он, — не помню, писал ли я тебе, — снова примкнул к газете «Амур. Кр.». Он работает много, так как число участников (сотрудников) вследствие от'ездов все уменьшается, и га-

¹⁾ Здесь я имел в виду мое описание жестоких расправ с китайцами и манчжурами, — массовые потопления, расстрелы, поджоги их жилищ, совершенные русскими в Благовещенске и в его окрестностях, что мною затем было опубликовано за границей, а в 1905 г. — в России под заглавием «Кровавые дни». Л. Д.

зета буквально вся почти на нем лежит. Брось он ее, она несомненно погибнет, а ему отчасти жаль своего детища, к тому же один хороший его товарищ ¹⁾ вложил в это дело около 13 тыс. руб., и раз Евг[ений] уйдет, то тот много потеряет.

К весне или лету — июню, июлю — Евг. надеется, что так или иначе определится для него это обстоятельство. Но, кроме того, его удерживают от окончательного решения всякого рода сомнения насчет себя, насчет возможности вполне сговориться и т. д. С другой же стороны, его разбирает уже и нетерпение и желание поскорее свидеться с родными, и если ничего особенно неожиданного не произойдет, то в следующем году, т. е. в новом столетии, старые друзья и родственники вновь сойдутся вместе.

26-го декаб. — Получил одновременно твое и сестры письмо. Ей напишу отдельно, — можешь прочесть. Ты заявляешь, что опасаясь насчет здоровья Ж[еньки]. Ну, в этом отношении я за него совершенно спокоен; раз он поедет на воды ²⁾, то наверно поправится, и они ему покажутся очень легкими, так что ты не тревожься. Правда, года через 3—4 он мог бы поехать при более благоприятных условиях. Но он не знает, стоит ли ждать и откладывать в столь долгий ящик поправление своего здоровья, тем более, что и тогда могут вновь возникнуть разные неожиданные препятствия. В том-то и состоит причина его стремления поехать на воды, что он не уверен твердо, лучше ли будет для здоровья, да и для семейных дел, если он еще подождет года три. Будь у него уверенность, знай он, что лучше, — он, не колеблясь, принял бы окончательно то или другое решение. Ты в одном из своих писем расфантазировался насчет возможности для Евг. и Дм[итра] со временем, пристроившись к какому-либо ученому, географич. и т. п.

¹⁾ То был осужденный в 60-х годах по делу Писарева П. Д. Баллод, о котором сообщил в своих воспоминаниях В. Короленко, как о выдающемся и очень оригинальном деятеле.

²⁾ Кстати, ты так и не устроил ничего насчет адреса знакомого, о котором он столько раз писал и просил тебя. Ты, правда, писал, что ему его пришлют, но он до сих пор ничего не получил. [Здесь я имел в виду рекомендательное письмо к какому-нибудь социал-демократу в С.-Франциско.]

обществен[ному] учреждению и пр., поселиться в столице, с'ездить за границу, вернуться и т. д. Но я уже писал тебе, что для них это — «маниловщина». Они не Йохельсон и Клеменц, и раз они повидаются с родными, а тем более станут путаться в разбирательствах их семейных дел, — что, конечно, неизбежно, — то вероятнее всего, поехав даже с дозволения своих опекунов ¹⁾ на свидание, их по возвращении уже не похвалят за повиновение и смирение, а предложат им или заняться в четырех стенах математикой, или изучать быт инородцев. Но лично Евг. решительно ничего не имеет и против одной из сих перспектив. Словом, летом, максимум осенью следующего года Евг. окончательно решит, поедет ли он на воды или нет.

О Дм[итре] я кажется уже писал тебе, что он откладывает свой от'езд еще на 2—3 г. и думает, что ему удастся повидаться с родными, не вызвав неудовольствия со стороны опекунов. А Евг. даже и не желает сообразоваться с отношением опекунов к его действиям и поведению. Повторяю, если его удерживает *что*, так это незнание, неуверенность, что *выгоднее, полезнее* для дела семьи. Вопрос о мальчике им также вполне улажен: он останется в той семье, где теперь живет, впредь до того времени, когда он больше не будет нуждаться в попечении женщины, могущей заменить ему мать (теперешняя вполне заменяет ему мать, — любит и балует его ужасно), и когда Евг. сможет взять его для помещения в заграничн. учебн. заведении — Евг[ению] хочется в швейцарской школе. Таким образом, как видишь, этот вопрос улажен. Надеюсь, что к весне, не то к лету также выяснятся и другие пункты, удерживавшие Евг. от окончательного и бесповоротного решения. А пока что, крепко целую тебя, Надю, Верочку и всех, кто помнит меня и желает получить мой привет.

XX.

31 января (12 февр.) 1901 г.

С Новым Годом и столетием, дорогие! Что-то оно даст человечеству?! — Прилагаемые два письма написаны мною давно, но Евг. все уговаривал меня не торопиться с их

¹⁾ Само собою разумеется, что под «опекунами» я имел в виду администрацию, полицию.

посылкой, так как всё надеялся, что вот-вот окончательно решит поставленный вопрос в положительном или отрицательном смысле. За это время для решения в первом смысле явилось то благоприятное обстоятельство, что ему дают нужную (даже несколько ббльшую — в 1½ раза) сумму, если он поедет на воды, но в отрицательном смысле также явилось одно важное обстоятельство: вследствие его службы по постройке Заб. жел. дор. ему сокращается на 2 года срок обязательного пребывания, почему он года через 3—4 может поехать лечиться при более благоприятных условиях. Поэтому колебания его, как видите, не прекращаются и будут, вероятно, долго еще длиться, разве какое-нибудь неожиданное обстоятельство не заставит его принять внезапное решение. — Во всяком случае, повторяю, раньше лета не состоится его решение. — Получил от Дм[итра] письмо. — Я также думаю, что вы пересаливаете в приемах полемики с молодыми. — Ну, да об этом может быть потолкуем подробнее скоро и выслушаем «altera pars». Эх, кабы поскорее...

Отвечай немедленно на это письмо, не то оно меня здесь не застанет — собираюсь во Владивосток.

Целую крепко.

Насколько могу припомнить, это было моим последним письмом, отправленным мною заграничным друзьям из Сибири: следующему я послал уже после побега, из Нагасаки, затем из Гонолулу (Сандвичевы о-ва) и т. д. Но этих, как и всех дальнейших моих писем, охранители архива П. Б. Аксельрода мне не возвращают. Л. Д.

О Г Л А В Л Е Н И Е.

СТАТЬИ И ВОСПОМИНАНИЯ.

Стр.

1. Г. В. Плеханов. К вопросу о развитии монистического взгляда на историю. Предисловие к пятому изданию книги 3
2. К. Сивков. Действительные разногласия между группой «Освобождение Труда» и партией «Народная Воля» 21
3. И. Александров. Один из первых учителей Плеханова 36
4. Е. Игнатова. Московские народники конца 70-х годов 45
5. О. Е. Слободской. Мои отношения к группе «Освобождение Труда» 53
6. Л. Дейч. Из Карийских тетрадей 61

ПИСЬМА.

7. «Драгоманьяда». Письма В. Засулич, Драгоманова, П. Аксельрода. 72
8. Л. Дейч. Членам группы «Освобождение Труда» 91
9. Шмуйлов-Классен. Письмо к В. И. Засулич 144
10. Путман. Письмо к членам группы «Освобождение Труда» 149
11. В. И. Засулич. Письма к Г. В. Плеханову (продолжение) 152
12. К. Каутский и Г. В. Плеханов. Переписка 200
13. Г. В. Плеханов. Письмо к товарищам 231
14. Е. Смирнов. Письмо к Г. В. Плеханову 236
15. П. Б. Аксельрод. Письма к Л. Дейчу 239
16. П. Б. Аксельрод. Письма к В. И. Засулич 249

РАЗНОЕ.

17. Л. Дейч. Кто прав? Ответ проф. М. Н. Покровскому 255
18. С. Я. Вольфсон. Вокруг Плеханова. Плехановская литература за 1924 год 273
19. К. С. На могиле Плеханова 306
20. Розыски Плеханова 309
21. Извлечение из официальных донесений и показаний арестованных лиц с 1881 по 1900 г. 311
22. Из архива Г. В. Плеханова в Париже 325
23. Письмо в редакцию. (К биографии В. Н. Игнатова.) 327
24. Алфавитный указатель собственных имен 328

902